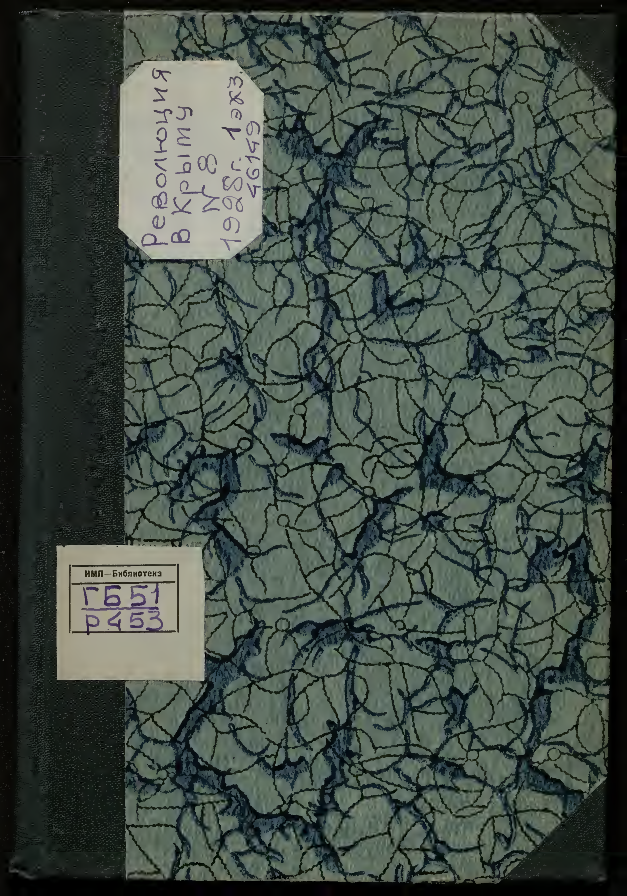
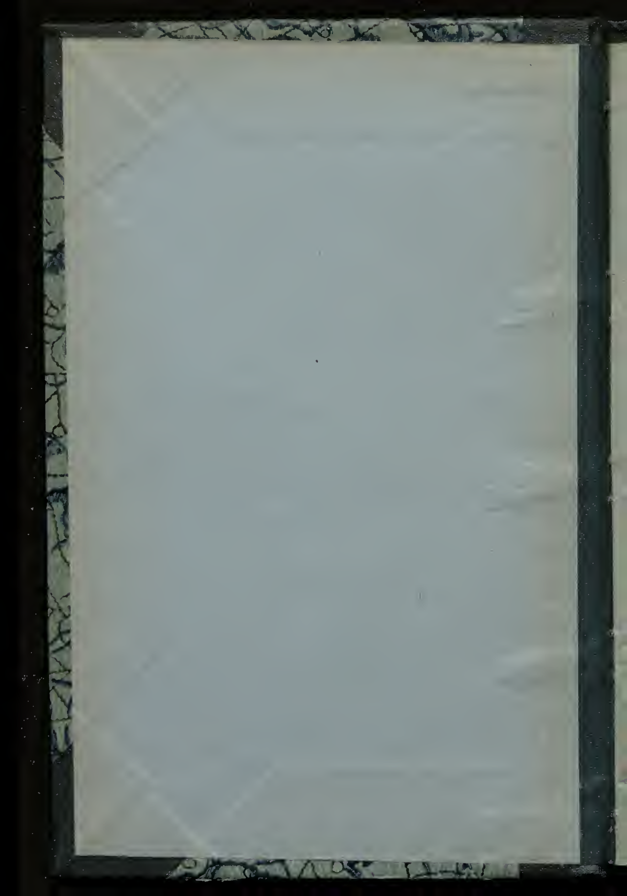
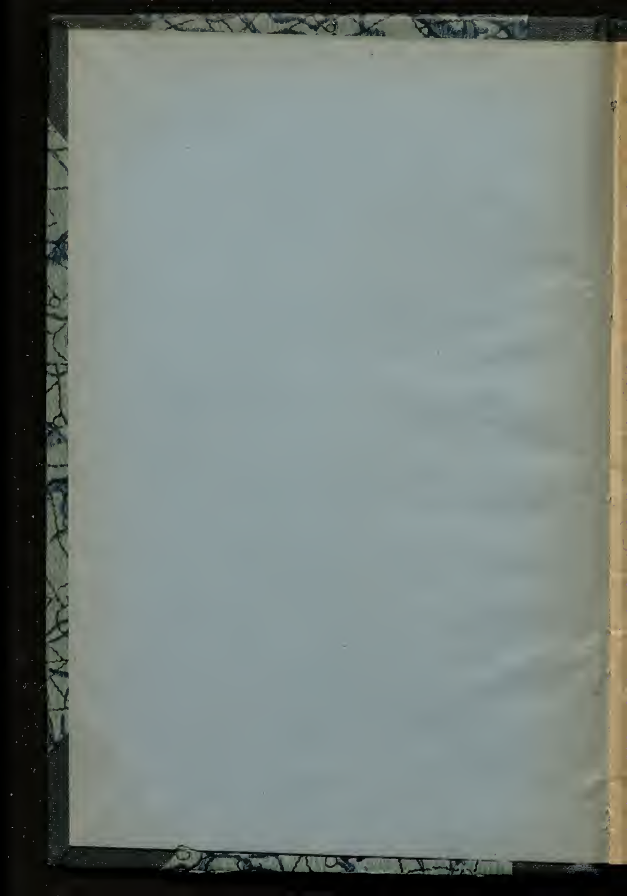

Революция
в Крыму
№ 8
1928 г. 1 экз.
46149
ИМЛ—Библиотека
ГБ51
Р453

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

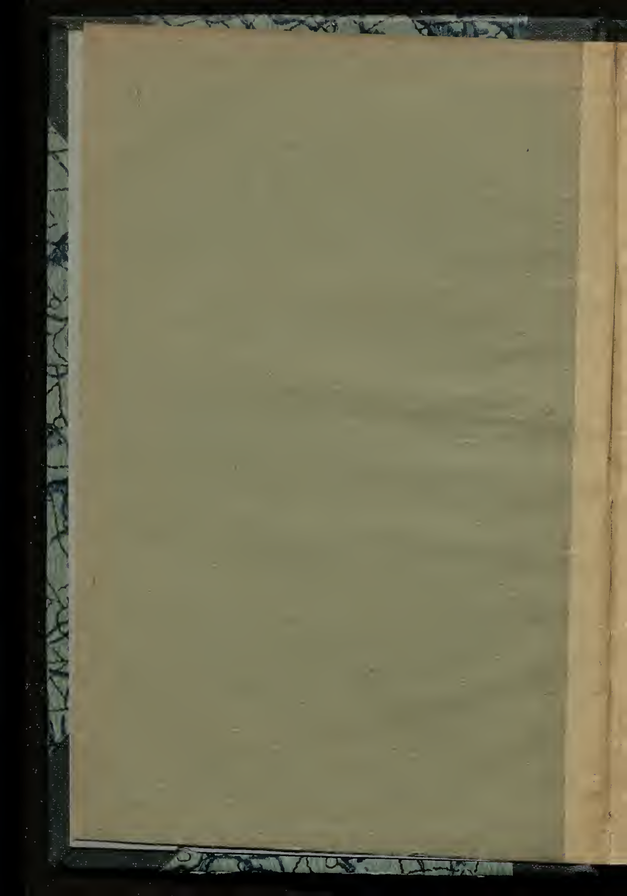
ИСТПАРТ.
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
и Р.К.П. (б) в КРЫМУ.

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

№ 8

КРЫМГОСИЗДАТ
1928

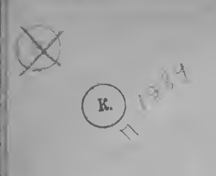
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

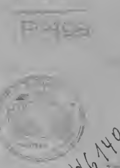
РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

№ 8

КРЫМГОСИЗДАТ
1928

Напечатано в 1-й Гостиполитографии „Крымполиграфтреста“ в Симферополе в количестве 1000 экз Заказ № 4896.
Крымлит № 1984

И. Овчаренко

Красные партизаны Старо-Карантинских каменоломен [1]

I

В 1918 году на Крым усиленно наступали германские империалистические войска. Недостаточно закаленная в боях Красная Армия отступила под натиском немцев. Пал Перекоп, Симферополь и Севастополь. В конце апреля немецкие оккупанты заняли Керчь. Последние части Красной Армии оставили город; вместе с ними ушли почти все партийные работники. Партийная работа замерла совершенно, и только, спустя несколько недель после начала оккупации, некоторые партийцы одиночками возвратились в город и положили начало Керченской подпольной большевистской организации.

В ноябре 1918 г. немцы оставили Керчь. К власти, при активной поддержке англо-французских оккупантов, пришла крымская буржуазия, которая жестоко стала расправляться со всеми революционно настроенными; открыто на глазах у всех производились массовые казни.

Керченская тюрьма и крепость до отказу были переполнены рабочими и красногвардейцами. Казнили тысячами. Керчь и весь Таманский полуостров были залиты кровью борцов. Зверские убийства обнажали перед трудящимися

[1] Тов. Овчаренко является одним из активных участников партизанского движения в керченском районе. Воспоминания тов. Овчаренко, проверенные керченским Райистпартом, хотя дают несколько субъективную оценку партизанского движения и имеют существенные недочеты по части построения работы, но на ряду с этим рисуют чрезвычайно яркую картину героической борьбы керченского пролетариата и деревенской бедноты с белогвардейцами и англо-французскими интервентами и дают ценный до сего времени неопубликованный материал о восстании каменоломщиков. Редакция.

массами гнусную сущность буржуазно-помещичьего режима и толкали их на путь вооруженной партизанской борьбы с белыми палачами. Среди рабочих и крестьян чаще стали раздаваться голоса протеста, призывы к борьбе с реакцией.

Сознательным выражением этой революционной активности явилось партийное совещание, созванное в Керчи в начале 1919 г., на которое были приглашены беспартийные рабочие, бывшие красногвардейцы, а также представители крестьян от 23 деревень. На совещании было решено сорвать мобилизацию, объявленную Деникиным, и объединить партизан в боевые дружины. Совещание закончилось избранием военно-революционного штаба в составе: председателя тов. Самойленко, членов т. т. Горбульского, Юрченко, Урсатьева, Кутепова, Бурсова, Чаплынского и др. Через несколько дней штаб приступил к формированию боевых дружин. Через уполномоченных ему (штабу) удалось связаться с некоторыми деревнями. Особенно тесная связь была установлена с дер. Аджи-Мушкай и Старым Карантином. Последняя, как увидим ниже, являлась одним из важнейших очагов партизанства.

В январе 1919 года через большевика Волкова из дер. Ст. Карантин штаб связался с группой крестьян, которые скрывались вместе с бывшим красногвардейцем Денисовым В. в Старо-Карантинских каменоломнях. В конце января 1919 г. штаб поручил Денисову В. сформировать партизанский отряд.

Во второй половине февраля 1919 г., скрываясь от белых в окрестностях гор. Керчи, я неожиданно встретился со своим старым знакомым дежурным вахтенным Кизь-Аульского маяка Слесаренко И. Из разговора с ним я узнал, что Денисов В. формирует отряд в Старо-Карантинских каменоломнях.

Денисова я знал хорошо: это был боевой красногвардеец. С ним, после разгрома Красной гвардии на Кубани, мне приходилось скрываться от преследований белых. Попасть в его отряд мне показалось заманчивым, поэтому я решил немедленно отправиться в каменоломни.

Через несколько часов Слесаренко привел ко мне двух попутчиков—матросов, также изъявивших желание поступить в партизаны. Захватив две винтовки, три револьвера и ящик

патронов, мы двинулись в путь. Путешествие заняло несколько часов. К вечеру, при содействии каменоломщика Нестеренко, мы дошли до охранявшего вход в каменоломни часового.

Партизаны приняли нас хорошо. Больше всего их радовало, что принесли оружие и патроны.

В день нашего прихода отряд состоял всего лишь из 12 человек. В нем тогда, насколько я помню, находились: братья Денисовы, Собачкины, Кирьяновы, Косенко (члены партии), Овчинников, Устименко, Иващенко, Зеленый и Дроздов. Все были хорошо вооружены. Каждый имел при себе бомбу, револьвер, винтовку, кроме того, в запасе были охотничьи ружья, конфискованные у буржуазии.

Т. Хрони Василий, член военно-революционного штаба Старо-Карантинских каменоломен

В первые дни нашего пребывания под землей боев еще не было,[1] но к ним все напряженно готовились: запасались оружием, продовольствием, вербовали людей, через уполномоченных налаживали и поддерживали связь с революционно-настроенным и крестьянами. Так тов. Слесаренко связал отряд с некоторыми деревнями Сарайминской волости; т. Пристенский В.—с дер. Солдатская слободка, т. Слюнко с дер.—Ст. Карантин. В то же время через партийцев — Перепелица Михаила и Хрони Василия мы связались с городской партийной ячейкой, которая еще до моего прихода направила в каменоломни несколько вооруженных товарищей.

Белые пронюхали о существовании отряда, но не зная наших сил, избегали столкновения; к тому же до них дошли преувеличенные слухи о численности партизанского отряда. Слухи эти, как впоследствии выяснилось, распространял помещик Окорок, который был арестован партизанами, а затем выпущен на свободу за выкуп. Не зная истинного положения

[1] За исключением одной попытки жандармов проникнуть в каменоломни. Попытка эта кончилась для них печально, потеряв несколько человек убитыми и раненными, противник обратился в бегство.

дел, Окорок дал контр-разведке преувеличенные сведения о численности партизан.

Воспользовавшись нерешительностью противника, партийная организация и военно-революционный штаб поспешили широко оповестить трудящиеся массы города и деревни о создании отряда.

На сельских сходах и среди рабочих звучали пламенные призывы не подчиняться белогвардейским приказам о мобилизации и теснее сомкнуть рабоче-крестьянские ряды для борьбы с белыми бандами.

Призывы партии и военно-революционного штаба нашли горячий отклик в сердцах керченского пролетариата и деревенской бедноты. Со всех сторон из города и деревни шли в Старо-Карантинские каменоломни рабочие, крестьяне, моряки и бывшие красногвардейцы. Тех из них, которые были известны по прошлой революционной деятельности, мы сразу зачисляли в отряд. Тех же, которых не знали, размещали отдельно, вели с ними беседы, тщательно изучали, некоторых отсеивали совершенно. Все это делалось для того, чтобы под видом партизан в отряд не могли проникнуть белогвардейские шпионы.

Через несколько дней в каменоломни прибыли члены партии, будущие политические руководители отряда: Байдыков Василий, Ховрин Михаил, одновременно с ними пришел и брат Денисова Дмитрий (Митька). В следующие дни партизаны прибывали группами в 10—15 человек; одну из них привел Макаренко Дмитрий, другую, состоящую из моряков, мичман Алексеев.

Ненависть рабочих и крестьян к установившемуся режиму была настолько велика, что они прибывали в скалы даже во время начавшихся боев, когда противник сплошным кольцом окружал каменоломни. Например, под градом пуль и снарядов в каменоломни пробрался фельдшер Бойчевский, принесший с собой медикаменты, которыми его в изобилии снабдил Тимофей Гин из деревни Ст. Карантин.

II

Спустя несколько времени, когда под влиянием агитации партийной организации и активных работников отряда объявленная мобилизация была сорвана, белогвардейцы за-

шевелились. Керченские газеты повели бешеную травлю партизан; борцы за рабочее дело всячески поносились буржуазными писаками, их объвляли бандитами, уголовными преступниками, а 22 февраля 1919 г., когда в каменоломнях собралось 70 бойцов, генералы и полковники двинули против нас отряд в количестве 250 человек.

Вооруженные винтовками и пулеметами белые на расстоянии выстрела подошли к каменоломням. Начались бои, продолжавшиеся 2 дня. Заходы в каменоломни были расположены на возвышенности, которая господствовала над окружающей местностью и представляла природную, почти неприступную, крепость; взять ее теми, сравнительно незначительными силами, которые в данный момент белые бросили против нас, было невозможно. На второй день боя перевес оказался на нашей стороне. Потеряв двух убитых, противник отступил, у нас были также потери: один легко раненный и один ушибленный.

Первые бои, окончившиеся поражением белых, произвели необычайно сильное впечатление на окружающее население. Трудящиеся массы убедились в нашей способности бить белогвардейцев и защищать революционное дело, и в следующие дни в каменоломни прибывали все новые группы бойцов.

Однако, в дни первых успехов, на ряду с сознательными революционерами, к движению под маркой партизан пытались примазаться негодяи-уголовники; некоторым из них удалось проникнуть в Старо-Карантинский отряд. Большевистское ядро решило пресечь „работу“ бандитов, им была объявлена беспощадная борьба. Прилив революционно-настроенных рабочих и крестьян облегчил эту задачу, впрочем прослойка уголовных была настолько незначительна, что терялась в общей массе партизан; никакого самостоятельного влияния они в отряде не имели, при чем наиболее отважные, поддающиеся исправлению уголовники, были использованы, как боевая сила. Прочие, испытав на себе тяжелые условия партизанской жизни, недовольные крепкой дисциплиной, обыкновенно сами „смывались“ из отряда. Однако, временами собственнические стремления у некоторых товарищей всплывали на поверхность, например, — спустя несколько дней после моего прихода в отряде возникли

трения по поводу неправильной раздачи командиром Денисовым В. денег некоторым партизанам.[1] Денисов оправдывал свои действия тем, что партизаны, получившие деньги, давно находились в скалах, сильно нуждались, не имели самого необходимого, многие из них сидели в тюрьме у белых, но часть работников, за которыми шло большинство отряда, раскритиковали Денисова. „Дележ денег",—говорили они,— вызовет нездоровые явления и тягу неустойчивых к наживе".

В связи с начавшимися разногласиями часть товарищей настояла на созыве общего собрания. Предстояло обсудить важнейшие вопросы: 1) об укреплении отряда и характере военных действий, 2) о вовлечении в отряд новых сочувствующих революционному делу групп рабочих и крестьян, 3) о названии отряда.

По первому вопросу было решено предложить командному составу укрепить военную дисциплину (путем проведения бесед и военных занятий), перейти от обороны к нападениям и создать при отряде кавалерию.

По второму вопросу постановили повести агитационную работу на массовых собраниях крестьян ближайших деревень, а также усилить вовлечение в отряд крестьянской молодежи, которая повсюду выражала полную готовность бороться с белогвардейцами и нести все тяготы партизанской жизни.

Отряд назвали: „Грозный революционный большевистский отряд Старо-Карантинских каменоломен". Товарищу Овчинникову собрание поручило приготовить знамя и написать на нем название отряда.

Командиром оставили попрежнему тов. Денисова В., так как его считали хорошим организатором, знатоком военного дела, надежным командиром. Заведывание хозяйственной частью возложили на Денисова Г., которого партизаны уважали за его честность и тактичность. Тогда же были утверждены и взводные командиры: командиром первого взвода утвердили—Юшко Иосифа, второго—Денисова Д., третьего—Пономарева.

Через несколько часов Денисов В. издал приказ, который гласил: „В виду необходимости сохранения, принятых общим собранием постановлений в строжайшей тайне, ни-

[1] Деньги были отобраны партизанами у помещика Окорока.

кому не разрешается отлучаться из каменоломен без разрешения командиров"[1]. Для того чтобы белогвардейцы не могли застать нас врасплох на караульные посты стали назначать боевых испытанных товарищей.

На другой день после собрания решили произвести вылазку и продемонстрировать перед противником и населением нашу военную мощь. С этой целью все партизанские части вышли наверх и, по команде, рассыпались в цепь; началось передвижение частей по курганам, которые находились вблизи каменоломен. На одном из наиболее высоких курганов укрепили боевое красное знамя.

Первая демонстрация партизан взбудоражила как белогвардейцев, так и все население города и крепости.

Тысячи людей высыпали на гору Митридат посмотреть на выступление каменоломщиков. В этот знаменательный день старо-карантинские партизаны объявили открытую борьбу белогвардейцам; горевшая энтузиазмом горсть рабочих и крестьян выступила из сырых темных шахт против тысячной армии палачей-генералов, против армии вооруженной пулеметами, пушками, бомбами, взрывчатыми веществами, газами и т. д.

Интересно, как различные слои населения реагировали на события: в то время, как рабоче-крестьянские массы, воодушевленные нашим героизмом, продолжали прибывать со всех сторон в каменоломни, ибо вскоре после демонстрации отряд вырос до 140 человек, т. е. увеличился вдвое, среди буржуазии поднялась паника, которая еще более усилилась циркулирующими слухами о численности отряда, мы со своей стороны не мало способствовали их распространению. Например: в день демонстрации наша разведка задержала близ каменоломен линейку с 2-мя офицерами и инженером Глазуновым; офицеры, спустя некоторое время были расстреляны, Глазунова же, как представителя местной интеллигенции, с которой мы стремились наладить дружеские отношения, решили отпустить на свободу. С ним обращались очень вежливо. Сделали ему из соломы постель, кормили яйцами, молоком, маслом, одним словом всячески давали понять, что в скалах собрались не бандиты, как кричала об этом

[1] Следует отметить, что все постановления общего собрания выполнялись точно. Военная дисциплина укреплялась. В отряде не было ни одного случая измены.

белогвардейская печать, а сознательные революционеры, жертвующие своей жизнью в борьбе с гнетом и произволом. Вместе с тем, зная, что по возвращении в Керчь белогвардейцы будут расспрашивать Глазунова о состоянии отряда, мы решили уверить его, что в каменоломнях собрались не десятки, а тысячи бойцов.

Сделано это было так: вокруг камеры, в которой находился Глазунов, собрали всех партизан, одолжили у старокарантинских каменорезов несколько лошадей и колеса из под плугов: первые должны были изображать „кавалерию“, вторые „пулеметы“.

Когда все было готово, Денисов скомандовал: „первая, вторая рота по заходам таким-то, третья, четвертая таким-то и т. д.“ Была отдана также команда „пулеметчикам и кавалерии“. С большим шумом и топотом прошли партизаны несколько раз мимо камеры Глазунова. Ему показалось, что мимо идет целая армия. Озадаченный он засыпал нас вопросами: „Как вы можете содержать такой грандиозный отряд в сырых помещениях и избегать при этом всякого рода заболеваний? Откуда вы берете средства на содержание отряда?“

Партизан Байдыков В. дал „исчерпывающие“ ответы: „Ежедневно к нам приходят сотни вооруженных рабочих и крестьян. У нас есть склады оружия. С болезнями бороться нетрудно, так как недостатка в медикаментах нет, что же касается врачей, то их мы привозим из города, в средствах мы также особенно не нуждаемся, тем более, что нас поддерживает само население; кроме того, мы реквизируем продукты у помещиков, и если вы пожелаете поддержать отряд материально, будем вам благодарны“.

„Товарищи,—ответил Глазунов,—теперь я вижу, что слухи, которые распространяют о вас—неправда, я не слышал ни одного грубого слова. Здесь действительно собрались сознательные рабочие и крестьяне для защиты своих прав; никогда в жизни не забуду того хорошего отношения, которое было проявлено ко мне“. В тот же день Глазунов написал письмо своей жене с просьбой достать денег для отряда. Через несколько часов жена Глазунова явилась в каменоломни и вручила Денисову 112 тысяч рублей, которые она под каким-то предлогом заняла у керченской буржуазии. Глазунов был освобожден.

Тем временем белые, опасаясь дальнейшего роста движения, предприняли новые шаги к его ликвидации. Еще в день демонстрации часа в 4 конная разведка противника показалась вблизи каменоломен; выкинув белый флаг разведчики знаками приглашали нас вступить в переговоры.

Желая узнать, в чем тут дело, Денисов отправил к ним навстречу несколько партизан. Положив на землю винтовки, наши стали быстро приближаться к разведке белых. Белогвардейцы тоже соскочили с лошадей, бросили винтовки и сделали несколько шагов по направлению к партизанам, но почему-то остановились, побежали к лошадям и вскоре исчезли.

15 марта, в день освобождения Глазунова, наблюдатели передали, что деникинцы тремя большими колоннами приближаются к каменоломням. В этот день против нас были брошены почти все силы, находившиеся в распоряжении белого командования.

Через несколько часов части противника приблизились на расстояние 100—120 шагов. Завязался бой. По всему фронту заговорили вражеские батареи, затакали пулеметы, раздавались ружейные залпы.

Небольшая, но спаянная революционным духом группа партизан оказывала упорное сопротивление почти трехтысячной регулярной армии. Весь день мы успешно отражали атаки неприятеля, однако, несмотря на большие потери, противник продолжал бешено штурмовать наши позиции и к вечеру почти вплотную подошел к заходам.

Началась осада, продолжавшаяся три дня без перерыва. В первый день мы оживленно отвечали на огонь противника, а в следующий Денисов отдал приказ: „Не стрелять, беречь патроны“.

На четвертый день белогвардейцы, предполагая, что весь отряд уничтожен, ушли обратно в город.

Керченская буржуазия праздновала мнимую победу. Меньшевистская газета „Волна“ и кадетская — „Голос жизни“, захлебываясь от радости, сообщали: „Красное движение разгромлено, бандиты уничтожены“.

Впрочем ликование деникинцев продолжалось недолго, тотчас, после ухода противника, мы оповестили керченскую партийную ячейку № 1 и окрестные деревни о том, что мы живы и готовы вновь подступить к горлу буржуазии.

На деникинских солдат наше воскрешение из мертвых произвело необычайное впечатление. Они говорили: „в каменоломнях засели не люди, а дьяволы“.

Убедившись на горьком опыте, что дальнейшая вооруженная борьба с нами будет стоить колоссальных усилий и жертв, противник решил нас взять обманом и коварством.

19 марта Денисов получил письмо от командира конного эскадрона[1], который предлагал партизанам прекратить кровопролитие и вступить в ряды белой армии.

В тот же день к каменоломням прискакала белогвардейская разведка и также делала попытки вступить с нами в переговоры.

„Мы вам все простим и даже наградим,—громко кричали белогвардейцы,—выдайте только вашего командира“.

„Довольно обещать,—отвечали мы белым,—нам с вами не по пути, вместе со своим командиром мы умрем за рабочее дело, а за кого вы кладете свои головы—за сифилитиков-офицеров и других паразитов, которые лижут у буржуазии тарелки и чистят генеральские сапоги. Наш вам совет: беспощадно истребляйте своих командиров, дворян, буржуазию и присоединяйтесь к нам“.

Агитация наша не имела успеха, так как разведчики оказались махровыми бандитами; они не могли даже честно закончить переговоры и предательским залпом смертельно ранили в живот партизана Мирона Бродягина. Этим гнусным поступком белые еще раз продемонстрировали перед нами свое беспримерное злодейство.

21 марта в скалы пробрался член Военно-революционного штаба П. Урсатьев—матрос. Он рассказал, что революционный штаб перешел из Керчи в Аджи-Мушкайские каменоломни, организовал там партизанский отряд и готовится к нападению на белогвардейцев, стремясь в то же время объединить действия всех партизанских частей. Тов. Урсатьев просил поддержать военно-революционный штаб и помочь ему деньгами.

Известие об Аджи-Мушкайском восстании мы встретили с энтузиазмом. Посыпались вопросы: большой ли отряд? почему нет военных действий? и т. д.

---

[1] Эскадрон находился вблизи каменоломен.

Тов. Урсатьев вкратце информировал нас о положении аджи-мушкайцев: по его словам, отряд насчитывал несколько сот человек, пополнения прибывали ежедневно. „Для успешности предстоящих военных операций,—добавил Урсатьев,—штаб временно воздерживается от нападения на белогвардейцев, сосредоточивая главное внимание на организационной работе и укреплении военной дисциплины".

Отсутствие крупных боев под Аджи-Мушкаем смущало нас. По этому поводу было много разговоров. Денисов не верил Урсатьеву и наотрез отказался выдать денег для штаба, но большинство активных товарищей настояло на выдаче их, так как многие знали, что Урсатьев действительно являлся членом военно-революционного штаба[1].

III

22 марта белогвардейские части снова окружили каменоломни. Для встречи врага партизаны высыпали на поверхности скал.

Вначале белые сражались вяло: у них не хватало сил, так как в это время большинство белогвардейских частей было переброшено на Акмонайский фронт для борьбы с регулярной Красной Армией. Перевес был на нашей стороне: несколько раз под натиском партизан деникинцы отступали до крайнего кургана, расположенного возле шоссейной дороги.

На другой день белое командование поспешило стянуть к каменоломням новые силы, главным образом, мобилизованных учащихся.

После упорных атак противника мы отступили в скалы. В следующие дни белые особенно не нажимали, но положение наше ухудшилось, так как истощились продукты и запасы воды. Необходимо было немедленно найти выход из тяжелого положения, спасти от голодной смерти сотни бойцов.

По инициативе некоторых работников созвали общее собрание, на котором единодушно решили пробраться в Аджи-Мушкай и соединиться с военно-революционным штабом.

По прямой дороге, ведущей через Керчь от Старо-Карантинских до Аджи-Мушкайских скал, не более 14 верст, но город находился в руках белых, поэтому нам предстояло

[1] В тот же день тов. Урсатьев отправился обратно в Аджи-Мушкайские каменоломни.

сделать круг и вместо 14 пройти 30 верст. Путь лежал через Багеровские каменоломни, где решено было сделать дневку. В тот же вечер в Багеровские каменоломни была выслана разведка, которая через два дня сообщила, что ею разыскано место для остановки отряда, задержан помещичий обоз (с продуктами, одеждой, двумя бочками вина и оружием) и, кроме того, обнаружен небольшой партизанский отряд.

Вылазку назначили в ночь на 25 марта. Перед уходом приняли решение беспощадно расстреливать всех, кто сделает попытку отстать от товарищей [1].

Вылазку сделали удачно. Когда вышли из скал и рассыпались в цепь, белые нас заметили, пустили ракету и открыли огонь, но пули свистели высоко над нашими головами, не причиняя вреда. Пошли по левой стороне деревни Джаржавы через хутор Петренко-Марченко, где у арендатора Капилевича (Керченский фабрикант) забрали продукты и бочку с водой. Когда мы прошли дер. Джаржавы, белые из крепости нас стали ловить прожекторами, но безрезультатно, так как, попадая в полосу света, мы быстро ложились.

Наконец подошли к каменоломням. Вблизи раздалось несколько залпов, однако, скоро стрельба прекратилась. В Багеровские каменоломни прибыли в количестве 172 человек; нас ожидал сытный ужин, заранее приготовленный разведкой, выпили также по кружке вина и расположились на отдых. После кошмарной, мучительной осады и томительных переходов все спали, как убитые.

Партизанский отряд, о котором сообщила разведка, все еще находился в Багеровских каменоломнях: он был командирован сюда Аджи-Мушкайским военно-революционным штабом, который поручил ему произвести несколько налетов на белогвардейцев. Отряд состоял всего лишь из 22 человек, под командой Абазали Данила, при нем находился военком отряда Кутепов, присланный несколько позднее военно-революционным штабом для подрывных работ.

На другой день, утром недалеко от каменоломен увидели товарный поезд, нагруженный, повидимому, военным

[1] Перед отступлением в Старо-Карантинских каменоломнях нами было оставлено 6 партизан: Ткаченко, Нестеренко, Кирьянов, Пономаренко и друг. Им было дано задание организовать отряд из вновь прибывающих товарищей.

снаряжением и оружием. Поезд шел с Акмонайского фронта. Расстояние, отделявшеее нас от него, было не более 200—300 саж. Денисов отдал приказ наступать на эшелон с целью его захвата. Некоторые товарищи стали возражать: „наступать—нецелесообразно,—говорили они,—так как люди утомились, а командир Денисов пьян“. Однако, большинство партизан подчинилось приказу Денисова. Наступать пошли по широкому полю, прямо на эшелон. Впереди несли красное знамя. Следует отметить, что в наступление пошли не все: человек 12—15 старо-карантинцев и весь Аджи-Мушкайский отряд остались в каменоломнях.

Пройдя несколько саженей, заметили, что на ходу из эшелона выскакивают деникинцы и рассыпаются в цепь за железнодорожным полотном. Денисов, увидев, что белые приготовились к бою, отдал приказ по цепи—„окопаться“.

Когда цепь залегла недалеко от нас (вблизи дер. Скасиево-Фонтан), показался кавалерийский разъезд белых. Партизаны, оставшиеся в каменоломнях, дали по нем несколько залпов. Потеряв несколько человек убитыми, кавалеристы поскакали в разные стороны и скрылись за холмами.

Между тем, эшелон отошел несколько назад, а цепь противника открыла бешеную стрельбу из десятка пулеметов. Мы оказались в чрезвычайно тяжелых условиях, так как находились в открытом поле, без прикрытия, на виду у противника. Выручил нас аджимушкайский отряд Абазали, который открыл по белогвардейским пулеметчикам стрельбу залпами. Противник не выдержал и скрылся со своими пулеметами за полотном железной дороги. Воспользовавшись замешательством среди белых, мы возвратились в скалы. У нас оказалось двое раненных: Лось и Дурногаев.

Спустя несколько часов, неприятель, получивший крупное подкрепление, подошел к скалам. Борьба завязалась самая упорная. Белогвардейцы загнали нас в скалы, заскакивали в заходы, но, встреченные метким огнем, отступали, оставляя раненных и убитых. На второй день атаки возобновились: белые стреляли из пулеметов, метали в заходы бомбы, взрывали скалы динамитом.

Взрывы представляли жуткую картину. Динамит закладывался бурками в шесть и даже восемь боченков каждая. Во время взрыва скалы раскачивались во все стороны, как

при страшном землетрясении, а с потолков обваливались огромные двадцати-тридцатисаженные пласты. К счастью в глубине каменоломен находились такие заходы, где взрывы почти не причиняли вреда, в них мы спасались от обвалов. Больше всего доставалось от взрывов часовым, которые охраняли заходы. Часовому разрешалось оставлять пост всего на несколько секунд до взрыва и в тот именно момент, когда белые зажигали фитиль и разбегались в разные стороны. Топот ног наверху являлся сигналом для часового. Он должен был бежать изо всех сил вглубь каменоломен. Мчавшийся с ужасной быстротой ветер часто догонял его, разрывал на нем шубу, шинель, а мельчайшие куски камня окровавливали его тело и лицо. Нередко часовой со страшной силой ударялся о каменную стену и разбивался на смерть.

Несмотря на ужасное положение, мы не теряли присутствия духа и мстили палачам за смерть товарищей. Неслышно, через известные только нам одним заходы, мы подкрадывались к деникинцам и меткой стрельбой уничтожали их десятками. Стреляли на выбор; били преимущественно офицеров и чеченцев. Последних за то, что они особенно зверски обращались с мирными жителями. Солдат же не трогали: они в большинстве были мобилизованы и желания воевать с нами не проявляли.

На третий день осады мы стали кричать солдатам: „кого вы убиваете, на кого охотитесь, здесь в каменоломнях такие же рабочие и крестьяне, как и вы, поверните свое оружие против офицерства и присоединяйтесь к нам".

Солдаты чутко прислушивались к нашим словам и перебегали десятками. Помню такой случай: вскакивает в каменоломню перебежчик и говорит со слезами на глазах: „товарищи, я—моряк Балтийского флота, служил в Красной армии, белые меня захватили в плен, теперь я вернулся к вам, с белыми палачами мне не по пути". Вдруг один партизан бросился ему на шею: оказалось, оба родные братья.

Офицеры, взбешенные перебежками, стали избивать, а затем и снимать с фронта мобилизованных. Вместо них были присланы новые части, преимущественно чеченцы. Одураченные офицерами, несознательные чеченцы всеми способами старались уничтожить партизан. Мне припоминается следующий эпизод. Однажды, в дни осады несколько

чеченцев, весело играя на гармошке над одним из заходов, иронически кричали нам: „Эй, вы, живые, какую свободу вы там добываете, живете, как звери, как черти под землей. Настоящая свобода и веселье у нас, мы гуляем и кушаем вдоволь, выходите танцовать лезгинку, будем мириться, все простим“.

Подозревая коварство, мы, конечно, не вышли; тогда чеченцы опустили недалеко от нас бутылку с вином, а один из них закричал: „товарищи, берите, пейте, мы добрые люди: всегда поделимся с бедняками“. Считая, что мы подошли к бутылке, чеченцы бросили несколько бомб.

Слушая болтовню чеченцев, мы благоразумно скрылись за обрезом. Разорвавшиеся бомбы не причинили вреда, а мы в свою очередь подняли на смех чеченцев: „вы не умеете драться, только пыль пускаете, ваши бомбы пусты, наши лучше“, и с этими словами смельчаки партизаны подбежали к выходу и метнули наверх несколько бомб. Вслед за взрывом слышно было проклятие чеченцев и стоны раненных: наши бомбы попали в группу противника и произвели страшное опустошение.

После смены мобилизованных положение отряда ухудшилось, взрывы и стрельба усилились, целый день стоял сплошной гул. К тому же истощились запасы продуктов и воды, питались сырым мясом, воду высасывали из влажных камней. Оставаться дальше в Багеровских каменоломнях было непростительной ошибкой с нашей стороны.

Вечером 3-го апреля созвали собрание партизан обоих отрядов, на котором было решено прорваться к Аджимушкайским скалам.

В ночь на 4-е апреля сделали вылазку. Первыми из скал вышли разведчики, за ними двигался весь отряд. Однако, кавалеристы вынуждены были вернуться обратно, так как лошади после десятидневной осады ослабели от голода, и выйдя на свежий воздух, упали[1]. Из Багеровских каменоломен отряд направился по направлению к деревне Катерлез. По пути встретили источник, пили много, безмерно, после этого в отряде появились заболевания.

[1] Лишь на четвертый день после нашего ухода кавалеристы вышли из скал и вынуждены были возвратиться в старо-карантинские каменоломни.

На рассвете подошли к Аджи-Мушкаю, выслали двух партизан предупредить о нашем приходе. Они почему-то долго не возвращались. Тогда к заходам поехал Кутепов. Его окликнул часовой. Не успел Кутепов ему ответить, раздался выстрел: Кутепов был ранен в ногу часовым, который принял его за белогвардейца. Предполагая, что стреляют белые, мы рассыпались в цепь. Через несколько минут печальное недоразумение было выяснено, и аджимушкайцы, выйдя к нам навстречу, привели нас, в так называемые „еврейские" скалы, где мы и разместились.

Вскоре нас навестили члены военно-революционного штаба: т.т. Горбульский, Самойленко, Чаплынский, Урсатьев и др. Они очень жалели т. Кутепова и сообщили, что штаб знал об осаде Старо-Карантинских каменоломен, готовил поддержку, но не успел этого сделать.

Через два дня старокарантинцы и аджимушкайцы были переведены в „греческие" каменоломни, где находился военно-революционный штаб.

Непрерывные бои, лишения, тяжелые переживания, голодовки подорвали здоровье всех партизан. В связи с этим как в старо-карантинском, так и в аджимушкайском отрядах появились среди малодушных упадочные настроения. Некоторые уходили домой под предлогом навестить семьи, достать одежду. Были и такие, которые убегали и больше не возвращались. В старо-карантинском отряде из 172 партизан осталось 130. Между тем, вследствие плохого питания, старо-карантинские партизаны стали требовать от командиров увеличения пайков и улучшения питания: „Мы еще не осаждены, а уже голодаем,— говорили они,—а что будет с отрядом, когда белогвардейцы нас измученных и истощенных вновь загонят в шахты". Учтя настроение партизан, военно-революционный штаб создал реквизиц. комиссию, которая направилась в окрестности Аджи-Мушкая с целью реквизировать продукты у торговцев и крупных рыбаков.

7 апреля было созвано расширенное заседание штаба, на котором присутствовал весь командный состав обоих отрядов и некоторые партизаны. Обсуждались вопросы: 1) об укреплении отрядов, 2) об изыскании продуктов, 3) о концентрации всех партизанских сил в Аджимушкайских каменоломнях.

По первому вопросу решено было объединить оба отряда, разбить партизан по ротам, проводить военные занятия, обратив серьезное внимание на укрепление дисциплины.

По второму вопросу слово взял т. Самойленко. Он внес предложение изыскивать продукты двумя способами: во-первых, одалживать их у крестьян, во-вторых, обратиться с письменным обращением к местным помещикам.

По данному вопросу возникли большие разногласия,

Главный вход в Аджи-Мушкайские каменоломни

Денисов, Алексеев, Байдыков и некоторые члены военно-революционного штаба Чаплинский, Урсатьев и др. обращение к помещикам считали мертвым делом и настаивали на реквизиции. После долгих прений было принято решение: у крестьян продукты приобретать заимообразно, у помещиков же реквизировать.

По третьему вопросу также договоренности не было. Денисов категорически высказался против концентрации всех сил в Аджимушкайских каменоломнях, предлагал часть отряда перебросить в старокарантинские скалы, мотивируя

свои соображения тем, что все дороги, по которым передвигались белогвардейцы как железные, так и шоссейные проходили вдали от Аджи-Мушкая, недалеко от старокарантинских скал. „Разбросанные части,—говорил Денисов,—во-первых подвергаются меньшей опасности разгрома, во-вторых противник вынужден будет выставить огромное количество войск для осады двух каменоломен, кроме того, у белого командования создастся впечатление о большей численности отряда“.

Несмотря на то, что к мнению Денисова присоединились некоторые члены штаба, большинство все же высказалось за предложение т. Самойленко, т. е. за концентрацию всех сил в Аджи-Мушкае. При чем т. Самойленко снова взял слово и вызывающе заявил: „как штаб постановил, так и будет. Кто же посмеет итти против решения штаба, тот объявляется вне закона“. На это раздраженный Денисов ответил: „я подчиняюсь и обязан подчиниться решению штаба, но не согласен с вашим стратегическим планом, поэтому еще раз прошу разрешить мне вместе с отрядом уйти в Старо-Карантинские каменоломни и производить военные операции по своему усмотрению, о каждом же походе я буду сообщать в штаб“.

Несомненно, в доводах Денисова заключалось много правильного, почти неопровержимого, но в то же время следует отметить, что штаб имел некоторые основания не доверять Денисову, так как последний не принадлежал к числу товарищей с пролетарской идеологией: недостаточно дисциплинированный, проникнутый индивидуализмом, мало общительный, Денисов всегда как-то пренебрежительно относился к руководящему органу—военно-революционному штабу и нередко отказывался подчиняться его распоряжениям.

В конце заседания было получено известие о том, что наша разведка задержала автомобиль с полковником Коняевым—племянником Деникина, его адъютантом Ивановым и их женами. У арестованных были обнаружены планы всех керченских каменоломен и некоторые ценные военные документы.

Одновременно были задержаны ехавшие на пролетке два офицера—Крыжановский и Краснокутский.

Когда белогвардейцы узнали об аресте Коняева и др., они немедленно арестовали восемьдесят керченских рабочих

и родственников партизан. В тот же день в штаб прибыла из Керчи делегация в составе кадета Сно и эсера Литкевича. Они вручили штабу два пакета: один от Начальника Керченского гарнизона ген. Ходоковского с предложением заключить мир и освободить офицеров, второй от начальника контр-разведки Стеценко, который в категорической форме предлагал всех офицеров выпустить на свободу: „в случае вашего отказа,—писал Стеценко,—на следующий день будут расстреляны все арестованные заложники".

При обсуждении ультиматума белых споры усилились. Ряд товарищей во главе с Денисовым высказались за то, чтобы арестованных не выпускать. „Если мы выпустим их,—говорили они,—все будет проиграно, белые перейдут в наступление, осадят каменоломни и при отсутствии у нас продовольственных запасов все погибнут голодной смертью. Мы предлагаем затянуть переговоры и тем временем укрепить материальную базу отряда". Но члены военно-революционного штаба — Самойленко, Горбульский и др., опасаясь расстрела заложников, настаивали на немедленном освобождении арестованных. После долгих споров штаб решил освободить всех арестованных. В присутствии офицеров был созван митинг. Выступавшие ораторы говорили о классовой борьбе. Особенно красивую речь сказал т. Горбульский. Затем выступил Денисов. „Если вы нас обманете, и заложники не будут освобождены,—отчеканивал каждое слово Денисов,—я объявляю вам беспощадный террор и начну вырезывать всех буржуев от старого до малого".

Припоминается мне выступление партизана Жукова, который также был против освобождения офицеров. „Белые всегда,—говорил т. Жуков,—могут арестовать и расстрелять сотни невинных, т. к. власть принадлежит им. Палачей не следует выпускать. Пусть погибнут от наших рук враги рабочего класса".

Не успели офицеры скрыться, как пехотные и кавалерийские части белых перешли в наступление и совместно с англо-французской эскадрой обстреляли каменоломни из тяжелых орудий. Канонада продолжалась до поздней ночи. Во избежание потерь мы отступили в скалы.

На другой день бои возобновились. Противник нес большие потери, так как мы оказывали стойкое сопротивление.

В полдень, несмотря на то, что к белым подходили все новые подкрепления, состоявшие большей частью из гимназистов, мы перешли в решительное наступление, разбив и погнав противника до Керчи.

После разгрома белых Денисов, получивший сведения, что мимо Ст. Карантина беспрерывно движутся отступающие с Акмонайского фронта белые части, а в каменоломнях (Старо-Карантинских) собралось до 50 новых партизан, вновь поставил перед военно-революционным штабом вопрос о переброске его отряда из Аджи-Мушкая в Старо-Карантинские каменоломни. Денисова поддержали представитель городской ячейки Перепилица М. и Хрони В.

На этот раз военно-революционный штаб согласился с доводами Денисова, разрешил ему уход из Аджи-Мушкая, назначив к нему военного комиссара т. Брагина.

12 апреля поздно вечером отряд направился в Старо-Карантинские скалы[1]. Для того, чтобы сократить расстояние шли вблизи города, по южной стороне деревень Булганак—Катерлез—мимо Старого вокзала, через еврейское кладбище.

Перед рассветом пришли в Старый Карантин, передохнули, затем собрали уполномоченных, оставленных для вербовки партизан. От них узнали, что в наше отсутствие прибыло шестьдесят новых товарищей, которые принесли с собой бомбы, и под руководством т. Адуденко напали на Камыш-Бурунский кордон, обезоружили находящихся там белогвардейцев и захватили аптечку и много снаряжения. Кроме того, уполномоченные рассказали о начавшихся переговорах с крепостными солдатами, которые сообщили, якобы, о своей готовности присоединиться к нам. Но, располагая незначительными силами, опасаясь измены, уполномоченные отказались их принять.

На другой день командованием был издан приказ о реорганизации отряда. Все люди были объединены в одну роту и разбиты по взводам. Командиром 1-го взвода был выделен Юшко Иосиф, 2-го взвода Денисов Д., третьего Иван Пономаренко (все они служили унтер-офицерами в старой армии).

Вечером 16-го апреля в присутствии представителя Горячейки № 1 Перепилицы Михаила было созвано общее

[1] Перед уходом Денисовым были оставлены деньги для нужд военно-революционного штаба.

собрание, на повестке дня стояли вопросы: 1) выборы штаба отряда, 2) о наименовании отряда.

Штаб выбрали из 3-х человек, председателем избрали Федяева Владимира (рабочий—табачник), помощником—Месробьяна (рабочий—металлист), секретарем—Назарова (рабочий—металлист). Все они были присланы городской подпольной организацией. Командиром остался Денисов В., ротным командиром утвердили Адуденко, а начальником продовольствия Денисова Г. Командиры являлись вместе с тем и членами штаба. Отряд решено было назвать „Советский полк Старо-Карантинских каменоломен". С момента организации штаба партийное влияние среди партизан заметно возросло, так как в состав его вошла часть партийных товарищей, и, несмотря на то, что комсостав оставался прежний, инициатива в значительной степени перешла теперь к штабу.

Через два дня было созвано заседание вновь избранного штаба, на котором, насколько я помню, обсуждались вопросы: 1) о средствах отряда, 2) об агитационной работе.

Учитывая опыт борьбы Багеровских и Старо-Карантинских каменоломен, когда осажденным партизанам грозила голодная смерть, штаб постановил прежде всего пополнить продовольственные запасы и приготовить бочки для воды.

Агитационную работу решено было сосредоточить в крепости среди мобилизованных, а также „французов". Так назывались тогда русские солдаты, вернувшиеся из Франции. Среди последних начиналось брожение, они требовали, чтобы белые распустили их по домам. Агитационная работа среди них была поручена тов. Перепилице и др.

В следующие дни в отряде закипела дружная работа. Партизаны усиленно заготовляли воду, пекли хлеб, доставали оружие и снаряжение.

Помещикам и кулакам окрестных деревень в категорической форме разослано было предписание доставить в каменоломни муку и зерно.

Для изъятия казенного имущества была выделена реквизиционная комиссия в составе Бойчевского и Моисеенко Н. Комиссия эта проделала большую работу по изъятию у населения седел, оружия и других казенных вещей. Другая реквизиционная комиссия была направлена в имение помещика

помещика Оливы; ей было дано задание достать лошадей для партизанской кавалерии. Комиссия эта блестяще справилась с возложенными на нее задачами: было реквизировано несколько десятков лошадей, всех их доставили в каменоломни.

Керченская партийная организация помогала партизанам, как могла. Она снабжала отряд табаком, оружием, и давала чрезвычайно ценные сведения о расположении белогвардейских частей.

Числа 17-го апреля наши дозоры донесли, что белые в количестве 600 человек выступили из крепости и наступают на кеменоломни. Командованием было отдано распоряжение выступить навстречу противнику и занять позиции на территории каменоломен. Начался сильный бой. Несмотря на малочисленность, мы смело выдерживали натиск противника. Вечером белые скрылись в крепости. На рассвете части противника, получившие подкрепление, снова вышли из крепости и атаковали наши позиции. Они было оттеснили нас в скалы, но через несколько часов внезапно отступили в Керчь[1].

18 апреля мы заметили кавалерию противника сабель в сто, проходившую между дер. Джаржавой и каменоломнями. Устроили засаду. Цепь под командой тов. Адуденко залегла за курганом. Партизанская конница также приготовилась к бою. Едва белогвардейцы поровнялись, мы со всех сторон обстреляли их залпами и разбили. В этом бою были захвачены пленные (4 человека), трофеи: лошади, скот и седла. Между тем штаб разрабатывал план наступления на некоторые стратегические пункты белой армии и в первую очередь на Керченскую крепость.

19 апреля было созвано заседание штаба, на котором присутствовал представитель Аджи-Мушкайского штаба Урсатьев П.

На повестке дня стоял вопрос о плане наступления на крепость. Прибывший на заседание штаба т. Перепилица сообщил о готовности двух рот мобилизованных солдат Керченской крепости восстать против офицеров.

Перебежчики-моряки, радиотелеграфисты, прибывшие на заседание штаба, также сообщили о готовности крепост-

[1] Впоследствии выяснилось, что в этот день аджи-мушкайские партизаны сделали налет на город, белые же, опасаясь за тыл, ушли из Старого Карантина.

ных солдат присоединиться к партизанам. Штаб решил предпринять наступление на крепость и поручил командному составу разработать детальный план наступления. К сожалению в наших рядах оказался предатель Воронков, который сорвал наступление. Воронков был взят нами в плен всего за несколько дней до наступления на крепость: он назвал себя бывшим красногвардейцем и был назначен Денисовым, несмотря на протесты штаба, пом. командира 2-го взвода.

За несколько дней до наступления к нам перебежал еще один белогвардеец, только что произведенный в прапорщики. Он рассказал штабу, что Воронков действительно раньше служил у красных, но что он—гнусный шпион, выдававший контр-разведке красных командиров и коммунистов.

Штаб установил за Воронковым слежку, однако, в день наступления на крепость он все-таки сбежал, захватив с собой списки взводов. Впоследствии мы узнали, что Воронков явился в контр-разведку, рассказал о плане наступления на крепость и выдал некоторых жителей дер. Ст. Карантин, доставлявших партизанам продовольствие.

Вопрос о наступлении поставили на общем собрании. Денисов высказался против. Он говорил, что план недостаточно тщательно проработан, подчеркнул возможность предательства со стороны Воронкова, кроме того его смущала пассивность крепостных белогвардейских солдат. „Отряду готовится какая-то ловушка,—говорил Денисов,—наступать—значит потерять весь отряд, вести его на верную гибель". Но большинство партизан и некоторые члены штаба высказались за немедленное наступление.

Часов в 12 ночи отряд под командой Адуденко двинулся на крепость. (Денисов в наступление не пошел: с 20—30 партизанами он остался в каменоломнях). Дорогу указывал Н. Перепилица. Стоял туман. Шли долго, осторожно, с дозорами. Наконец, обнаружили, что пришли к пороховым погребам. Недалеко от нас находились крепостные ворота, но не те, через которые мы должны были проникнуть.

Когда разведка подошла к воротам, часовые белых спросили „пароль". Отвечено было ранее нам сообщенным „паролем"—„Заря". Но оказалось, что предупрежденные белогвардейцы уже подготовились, заменили солдат чеченцами и решили нас встретить подобающим образом. Чеченцы со-

злорадством крикнули: „Получайте заряд“ и открыли стрельбу. Пришлось отступать. Пока шли обратно Адуденко решил, что измена была внутри отряда: подозрение его почему то пало на тов. Брагина и Перепилицу. Тут же оба они были взяты под стражу. В штабе после допроса их тотчас освободили, так как не было никаких оснований подозревать этих товарищей в измене.

IV

В следующие дни отряд продолжал проявлять активность. Частыми нападениями мы наводили на белых панику, заставляли их нервничать, быть все время начеку.

Оперируя на берегу пролива, мы обезоружили несколько кордонов, потушили 4 маяка, кроме того, нами были очищены от неприятеля все дороги и деревни не менее, чем на 15 верст в окрестностях каменоломен. Кавалерийские разъезды партизан ежедневно задерживали белогвардейцев и их обозы.

Спустя три дня после нападения на крепость, мы организовали налет на Босфорские казармы, где помещались юнкера и карательные части. Операция эта была поручена 13 разведчикам во главе с тов. Брагиным.

В ночь на 24 апреля разведчики на 2-х подводах отправились к городским казармам. Около известковых печей бросили подводу, легли в цепь. Трое товарищей отправились снять часового; не успели они подойти к воротам, как наткнулись на 2-х офицеров, один из которых схватился за револьвер и выстрелом ранил в обе ноги партизана Мелихова И. Тогда все партизаны бросились к окнам казарм и забросали спящих белогвардейцев бомбами, всего бросили до 15 бомб. Взрывы были настолько сильны, что крыша казарм провалилась в нескольких местах. Белые понесли громадные потери, большинство их было уничтожено. Подобрав раненного, разведка возвратилась в каменоломни. В это время весь старо-карантинский отряд лежал в цепи, поджидая нас, тогда как белые в панике открыли в свои же части беспорядочную стрельбу, продолжавшуюся всю ночь.

Для того, чтобы еще более усилить среди белых панику, в следующую ночь была послана разведка для нападения на ст. Керчь (также под руководством т. Брагина). На станцию прибыли в 2 часа ночи. Трое партизан вошли

в помещение вокзала, где увидели 2-х офицеров, из которых один читал, другой спал. Читавшего прикололи и направились в зал первого класса; у двери встретили часового. Брагин наставил на него револьвер. Внезапно раздались крики: „в ружье—бандиты“.

Наши стали бросать бомбы в зал первого класса, который был переполнен спящими офицерами; большое количество бомб было брошено также в вагоны, в которых находились белогвардейцы, приехавшие с Акмонайского фронта.

Отступали под сильным огнем. Некоторые товарищи не могли пробраться обратно в Старо-Карантинские каменоломни и возвратились в Аджи-Мушкай.[1]

Партизан Дроздов И. едва не попал в лапы белых; отрезанный от Ст. Карантина, он поехал в Аджи-Мушкай, но в темноте наехал на белогвардейцев. Дроздов не растерялся, а громко закричал, сопровождая слова отборной бранью: „вы спите,—наших бьют“. „В каком месте“—спросили его кавалеристы. Он указал на казенный сад. Белогвардейцы ударили по лошадям и карьером помчались к указанному месту, Дроздов же благополучно доехал до Аджи-Мушкая.

Утром нами был замечен кавалерийский разъезд белых, который решено было уничтожить. Поручение это было возложено на кавалеристов и группу пехотинцев во главе с Денисовым В. Пехотинцы вместе с кавалеристами поехали догонять противника на подводе.

На большой дороге (в 10 верстах от каменоломен) кавалеристы отделились и поехали к холму, из-за которого неожиданно появились казаки. Последние приняли наших кавалеристов за своих и, сосредоточив все внимание на подводе, так как партизаны, ехавшие на подводе, открыли по казакам стрельбу, бросились к ней галопом. Наши, смешавшись с казаками, мчались вместе с ними по направлению к подводе. Спустя некоторое время Денисов скомандовал: руби. Шашки засверкали в воздухе. Партизаны набросились на казаков, последние растерялись, не понимая в чем дело. Половина казаков была зарублена на месте, остальные обратились в паническое бегство.

[1] Комиссар отряда т. Брагин также вынужден был возвратиться в Аджи-Мушкай.

В то же время разведка партизан отправилась в имение Пасполитаки, расположенное близ деревни Султановки, в 20 верстах от каменоломен. Белогвардейцы, находящиеся в имении, были захвачены врасплох. Разведке удалось захватить обоз, в котором находилось несколько десятков пулеметных стволов, немецкие каски, патроны и другое снаряжение. Тогда же конной разведкой был задержан в пьяном виде помещик—офицер Франчевский. Он стал умолять Денисова отпустить его, обещая за это доставить пулеметы и винтовки. Без согласия штаба, на честное слово, Денисов отпустил его. Как и следовало ожидать—помещик обманул Денисова: вместо пулеметов и винтовок он послал мешок патронов и сломанный револьвер.

V

Наши беспрерывными нападениями терроризировали белогвардейцев. Опасаясь полного разгрома тыла, они вынуждены были срочно снять с Акмонайского фронта значительные силы и направить в Керчь. В это время в Керчь были переброшены полки: Алексеевский, Марковский, 2-й конный карательный, военно-пулеметная школа и другие. Части эти, изрядно потрепанные на Акмонайском фронте, спешно пополнялись гимназистами. Укомплектование прочих частей белых вследствие враждебного отношения к ним крестьян, производилось следующим путем: оцепляли деревню, грабили ее, вылавливали молодежь и под конвоем направляли в часть.

В первых числах мая началось решительное наступление противника на Старо-Карантинские каменоломни. Против нас были двинуты морские и сухопутные силы. Картина наступления была такова: в начале, в середине бухты показались миноносцы, вслед за ними, на расстоянии выстрела, приблизилась баржа, с установленными на ней тяжелыми орудиями. Вскоре появилась и пехота, которая старалась незаметно по крутому берегу моря подойти к каменоломням. Затем за кладбищем из-за дер. Джаржавы показались кавалеристы, по равнине из крепости шли колонны солдат, а из города по шоссейной дороге к каменоломням приближалась юнкерская пулеметная школа.

Первые орудийные выстрелы были сделаны с миноносцев; сначала белые стреляли, главным образом, по Старо-Карантинской церкви, считая, что на колокольне находится наблюдательный пункт. Вскоре они перевели огонь на деревню Ст. Карантин, жители которой, преимущественно молодежь, женщины и дети бежали в каменоломни.

Сильный артиллерийский, ружейный огонь и подход вплотную к каменоломням частей противника вынудили нас отступить в подземные ходы шахт. Быстро отступая, партизанские части очутились в различных изолированных друг от друга заходах; при чем часть отряда в количестве 42 человек очутилась в небольших старых заходах; от штаба их отделяло значительное расстояние. Я и Денисов также оказались в числе сорока двух.

Окруженные врагами, отрезанные от товарищей, мы очутились почти без всякой пищи, за исключением небольшого количества зерна.

Белогвардейцы сообразили, что мы попали в ловушку и решили уничтожить нас динамитом. Взрывали сразу по 8—10 боченков динамиту. Старые шахты плохо защищали отряд. После каждого взрыва нас со страшной силой бросало в разные стороны. Многие получили тяжелые, нередко смертельные ушибы. В результате несмолкаемых взрывов скалы были взорваны во многих местах. Обвалившиеся глыбы отрезали нас от лошадей и воды. Лишенные всего, мы оказались в тупике.

Осада продолжалась десять суток. Настроение у всех было подавленное. Каждый из нас чувствовал, что он заживо похоронен в этой могиле. Израненные, истощенные, обросшие, черные от копоти, похожие на движущихся мертвецов, молча бродили партизаны между обвалившимися камнями; у каждого было одно желание поскорее вырваться на свободу, посмотреть на весеннее солнце и подышать свежим воздухом.

Многие, несмотря на стрельбу, взрывы бомб, тихо подходили к выходу на несколько минут, радуясь свету, и снова погружались в холодную сырую могилу.

Вместе с нами в каменоломнях находились бежавшие от насилия и пыток белых жены партизан. Жутко было смотреть на переживания несчастных женщин. Жена командира Денисова пришла в скалы с грудным ребенком. Она

настолько изголодалась, что не могла его кормить, он громко пронзительно кричал, выдавая тем самым местопребывание партизан.

Белые слышали крик ребенка, злорадствовали, кричали нам сверху: „Ну, теперь мы вас возьмем и подавим, как мышей“. Денисов, чтоб не выдавать отряд, решил пристрелить ребенка, но один партизан кавалерист помешал ему выполнить это намерение.

На десятые сутки к вечеру взрывы наконец прекратились, но ночью неожиданно обвалились своды каменоломен. Четверо партизан было задавлено на смерть. Через несколько минут последовал второй обвал, который придавил всех, за исключением четырех часовых, стоящих на посту. Свет потух. Повсюду под камнями раздавались стоны и нечеловеческие вопли раненных.

Я также был придавлен камнями и потерял сознание.

Когда я очнулся, узнал, что был вытащен из под камня Денисовым и Подорожкиным. Оба они слегка пострадали. Общими усилиями были извлечены из под камней все подававшие признаки жизни товарищи. Жена Денисова была также придавлена, нога ее оказалась раздробленной, ребенок же уцелел и остался жив.

Из сорока двух человек нас осталось всего лишь десять, остальные погибли или помешались. Несмолкаемый крик, плач, бред сумасшедших и припадки наводили ужас на уцелевших товарищей.

Ожидая новых обвалов, все боялись шевельнуться. Находиться в этой трущобе не было больше сил. Нами овладело одно желание, как можно скорее выбраться из скал. Жизнью никто не дорожил. Каждый думал лучше погибнуть на воле, в открытой борьбе с врагом, чем умирать мучительной смертью под плитой обвалившегося свода.

Собрав последние силы, мы решили сделать вылазку, пробраться к штабу, а затем отомстить за смерть погибших товарищей.

В 2 часа ночи, ползком через отверстие, образовавшееся от взрыва, мы вылезли из каменоломен. Красная ракета разорвалась в воздухе: белые обнаружили нас и открыли бешеный пулеметный огонь. Мы залегли в балку, притихли. Пули беспрерывно с пронзительным свистом летали над нами.

Балка защищала нас от пуль, но долго оставаться здесь мы не могли. Бросились в атаку прямо на пулеметы, почти на верную смерть, но канава, пересекавшая дорогу, спасла нас. Согнувшись, побежали по ней и с громким криком „ура“ бросились на пулеметчиков. Последние пустились „наутек“, бросив несколько пулеметов.

Путь в каменоломни был свободен. Побежали к заходам, по пути наткнулись на своих часовых, которые приняли нас за белогвардейцев и открыли стрельбу. Через несколько секунд часовые узнали нас, стрельба прекратилась. Вскочили в каменоломни, крича партизанам: „Вы спите, забыли, о нас, о деле, о долге“ [1]. Отряд моментально был поднят на ноги. Все выбежали из каменоломен, захватили оставленные белыми пулеметы и вместе с ними пошли в наступление.

Белогвардейцы, не выдержав наших атак, обратились в бегство. В результате от противника была освобождена вся территория каменоломен, а также деревня Старый Карантин. Белые бежали в город.

После боя некоторые товарищи пошли осматривать окопы, вырытые в одиннадцать рядов и ходы сообщений, доходившие до заходов. Таких мощных укреплений партизаны еще не встречали за все время боев. В окопах нашли много продуктов, бомб, патронов, а также разные вещи, награбленные в деревнях: кровати, трюмо, перины, подушки и проч. барахло. Победа эта над противником, силы которого доходили до трех тысяч, досталась отряду только благодаря спайке и дисциплинированности партизан. Были жертвы и с нашей стороны: так, в бою геройски погиб пред. штаба Старо-Карантинского полка Владимир Федяев.

Затишье на фронте продолжалось всего лишь несколько часов. Утром англо-французские суда вместе с белогвардейским миноносцем „Живой“ вышли из бухты в пролив (по направлению к Черному морю) и при поддержке крепостной артиллерии ураганным огнем обстреляли каменоломни.

Спустя несколько минут под прикрытием артиллерийского огня со стороны города показалась пехота и кавалерия противника. Мы не успели во-время скрыться в скалах и при

[1] Впоследствии выявилось, что отряд, в целях оказания нам помощи, пытался пробраться через цепь противника, но безуспешно; белые загнали партизан обратно в каменоломни.

отступлении потеряли десять убитых и двенадцать раненных. К 12 часам дня мы снова оказались замурованными в скалах.

Белые не дремали: мобилизовали окрестное население, главным образом, крестьян, рыбаков и заставляли их под угрозою расстрела засыпать камнями заходы с целью похоронить нас заживо. Тяжело, жутко было смотреть, как белогвардейцы заставляли отцов закапывать своих детей.

Штаб полка, во избежание убийств крестьян и рыбаков приказал прекратить стрельбу. Воспользовавшись затишьем, белогвардейцы принуждали родственников партизан с горящими факелами, лампами спускаться в шахты, и выкрикивать имена своих сыновей и братьев. Мы пропускали их в шахты, и когда они заходили в удобные для нас места, окружали их со всех сторон, отделяли крестьян от белогвардейцев и моментально уничтожали последних.

Несмотря на тяжелые условия борьбы, мы все время держали противника в напряженном состоянии. Партизаны нередко выходили из скал, подкрадывались к часовым, внезапно нападали на них, уничтожали или забирали в плен. Практиковались и другие приемы борьбы, например, зная привычку белых заглядывать после взрывов скал в образовавшиеся воронки, мы подбегали к ним и стреляли в упор; белые падали к нам вниз, как подстреленная дичь.

Для того, чтобы терроризовать партизан, белые распустили самые нелепые слухи о намерении англо-французов накачивающими машинами залить водой Старо-Карантинские каменоломни. Они подсылали к нам даже стариков, которые говорили: „выходите, а то все равно погибнете,— французы потопят вас, как мышей". Но партизаны только смеялись по поводу вздорных слухов. „Передайте французам,—отвечали они старикам,—что мы только поблагодарим их за воду, так как ее у нас нет".

Между тем над нашими головами начали раздаваться страшные взрывы. Падали глыбы скал, давившие часовых. Однажды все мы стали задыхаться:—оказалось, что белые напустили в каменоломни балоны с удушливым газом. К счастью, по распоряжению штаба, каменоломщики-пильщики прорезали новые ходы в нижний этаж, через которые большинству удалось пробраться в безопасное место.

Во время перехода вместе с детьми погибли от газа жены партизан Нестеренко и Ананьева.

В то время, как наверху стоял непрерывный гул от взрывов, велась спешная работа по замуровыванию всех ходов, раздавались крики, стоны, избиваемых белогвардейцами крестьян. Внизу партизаны после двенадцатидневной мучительной осады без пищи, без воды, без медицинской помощи, с большим количеством раненных обсуждали вопрос о соединении с аджимушкайским отрядом.

Вопрос о вылазке был решен. Перед вылазкой дали друг другу обещание, что уходим из скал не для спасения жизни, а для продолжения борьбы до окончательного разгрома белых.

Для охраны раненных в Старо-Карантинских скалах решили оставить тридцать человек под командой Иосифа Юшко, также раненного в грудь. Картина расставания была страшно тяжелая. Раненные не хотели оставаться, кричали, рыдали, просили их добить.

Отойдя сажен двести от скал, отряд выстроился и двинулся мимо деревни Джаржавы через Скасиево-Фонтан по направлению дер. Катерлез, около которой мы рассыпались в цепь. Катерлезские крестьяне обрадовались нашему приходу, они накормили нас и сообщили о расположении частей противника. Оказалось, что белых в Аджи-Мушкае не было, но в деревне Булганак (находящейся в трех верстах от деревни Катерлез) находился карательный отряд, численностью в тысячу человек.

Здесь же мы услышали радостные вести, будто бы аджимушкайцы в результате блестящего наступления на Брянский завод захватили два орудия, винтовки и много пленных. Слухи эти, как впоследствии выяснилось, оказались преувеличенными, но у нас они подняли настроение. Немедленно собрались командиры, посовещавшись, решили напасть на деревню Булганак, выработав тут же план наступления.

Часов в двенадцать ночи подошли и оцепили деревню со всех сторон. Расставили пулеметы. По сигналу открыли стрельбу и с громким криком „ура“ ворвались туда. Белые в панике, в одном нижнем белье, выскакивали из домов, но бегство им было отрезано. Били больше всего бомбами, так как иным путем трудно было выбить противника

из домов. Вскоре на помощь белым пришел броневик „Пульман“, открывший по нас стрельбу из орудий. Однако, выстрелы не достигали цели: большей частью были перелеты.

На рассвете все было кончено: почти все белые части уничтожены. Оставив сотни трупов, отряд выступил на соединение с аджимушкайцами, мне же с четырьмя товарищами пришлось остаться, забрать трофеи: три двуколки со снаряжением, оружие и трех пленных. Когда запрягали двуколки, шагах в 80—100 от нас показалось человек тридцать кавалеристов. Они потребовали от нас „пароль“. „Скажите ваш,—был наш ответ—„Мушка“ крикнул один из белых. Партизан Буз отдал громко команду: „Рота пли“. Открыли стрельбу, некоторых убили, остальные ускакали. С двуколками и пленными отправились в Аджи-Мушкай.

Броневик „Пульман“, который продолжал стоять близ дер. Булганак, открыл по нас стрельбу. Снарядом разбило одну двуколку.

Рано утром прибыли в Аджи-Мушкайские каменоломни. Когда приблизились к Аджи-Мушкаю, увидели людей. Издали нельзя было определить, кто они такие, поэтому я и Буз пошли в разведку. Тихо подошли к заходу, у которого увидели часовых, они были оборваны, в грязи.—Перед нами были партизаны; они рассказали, что аджимушкайский отряд в самом деле произвел нападение на Брянский завод, но захватили там не орудия, как нам сообщили крестьяне, а лишь обмундирование, снаряды, винтовки, патроны, сто двенадцать человек пленных и две походные кухни.

В день нашего прибытия в Аджи-Мушкайские каменоломни белые стянули к ним почти все свои силы. О передвижениях противника разведка сообщила комсоставу и председателю штаба Самойленко, но последний почему-то распорядился не стрелять. Не встречая сопротивления, белые безнаказанно окружили всю территорию каменоломен, вплотную подошли к заходам и установили не менее шестидесяти пулеметов. Некоторые работники уговаривали Самойленко начать бой, но получили грубый ответ: „Ваше дело слушать распоряжение военно-революционного штаба, который знает, что делает“.

Все были возмущены оттяжкой обороны. Через несколько часов разведчики и пом. военкома т. Хрони сообщили т. Са-

мойленко, что выследили два белогвардейских пулемета, которые можно было бы снять без всяких потерь с нашей стороны. Однако, и на этот раз Самойленко поступил в высшей степени странно. Он с бранью набросился на т. Хрони и предложил ему впредь не вмешиваться не в свое дело.

О поступке Самойленко Хрони рассказал взводному командиру Денисову Дмитрию. Оба они пошли к Самойленко с целью потребовать объяснения. Денисов задал ему вопрос: „Почему не разрешаешь снять пулемет?“. Вместо ответа Самойленко с бранью набросился на обоих, и, угрожая револьвером, предложил им немедленно убраться. Денисов выхватил револьвер, спустил курок, последовал выстрел: Самойленко мертвым упал на землю. На выстрел сбежались члены штаба и братья Денисова. Все они принялись ругать Дмитрия.

Об убийстве многие жалели, так как в отряде и без того было тяжелое настроение. Было также неприятно смотреть на убитого партизана, к тому же председателя военно-революционного штаба.

Председателем штаба избрали Брагина[1]. В этот же день было созвано заседание штаба, на котором решили дать белым решительное сражение.

Вылазку предполагали сделать одновременно с трех заходов с целью взять противника в кольцо. Первым выступил старокарантинский отряд. Он вышел из скал близ Царского кургана, зашел в тыл к белым и остановился, ожидая сигнала от аджимушкайцев. Прождали полчаса. Сигнала не было. Возвратились в каменоломни. Человек 20 карантинцев отправились по заходам к аджимушкайским партизанам. Последние в это время спорили с членом военно-революционного штаба Чаплынским, доказывая ему, что вылазка невозможна, так как перед заходами стоят десятки пулеметов.

После долгих переговоров решили сделать вылазку по новому плану, в наступление пошли по другим заходам. Белые нас скоро обнаружили. Завязался упорный бой. Такого ожесточенного сражения не было за весь период борьбы партизан с белыми. Орудийная, оружейная и бомбометная стрельба слились в сплошной гул. Особенно оглушительно

---

[1] Тов. Брагин на второй день после избрания был ранен и во главе штаба стал тов. Кутепов.

палили с моря по каменоломням англо-французские суда, поражая не только партизан, но и белогвардейцев.

Бой продолжался трое суток. В результате белые, разбитые на голову, обратились в паническое бегство. В этом бою со стороны белых участвовало не менее 2-х тысяч человек. На помощь разбитому противнику пришли керченские гимназисты, но их постигла такая же участь: партизаны их легко разбили и уничтожили.

Окрестности Аджи-Мушкая были усеяны трупами белых. С нашей стороны потери были также велики: 27 убитых и до 50 раненных. Трупы не убирались, брошенные на произвол, они разлагались, отравляя воздух. Мы захватили богатую добычу, много снаряжения, пулеметов, винтовок.

Медицинская помощь раненым партизанам оказывалась исключительно в виде перевязок. Многие из них, валяясь на полу, в сырых темных, дымных помещениях, прикрытые одними лохмотьями, которые кишели вшами, погибали от голода, заражения крови и сходили с ума. Для спасения их военно-революционным штабом практиковались рискованные приемы: раненных устраивали в Керченских больницах по подложным документам, либо вызывали для них в каменоломни врачей из города.

Делалось это так: пробравшись в город, разведка арестовывала первого попавшегося врача и доставляла его в каменоломни с завязанными глазами. Врача приводили сначала в штаб, где его успокаивали и лишь после этого приглашали к больному и, оплатив труд, провожали в город.

Во время наступившего после разгрома белых затишья, мы похоронили в братской могиле всех убитых партизан и с целью обезопасить себя на случай отравления белыми колодцев, соорудили бассейны для воды и по желобам наполнили их водой.

Дня через 4 противник стянул войска и при активной поддержке флота союзников перешел в наступление. В течение нескольких часов ураганным артиллерийским огнем половина деревни Аджи-Мушкай, прилегавшая к каменоломням, была превращена в развалины. Все население покинуло Аджи-Мушкай, при чем беднота эвакуировалась в каменоломни, а зажиточная часть удалилась в соседние деревни.

Во время схватки с противником мы были выбиты из укрепленных позиций и укрылись в каменоломнях. Снова начались муки. Белогвардейцы беспрерывно забрасывали нас бомбами, гранатами, не давая возможности выглянуть из захода. Через некоторое время начались взрывы. Первым взрывом был разрушен бассейн с водой, в другом бассейне образовалась трещина: отряд в 600 человек остался без воды. Через несколько дней положение осложнилось изменой двух часовых—Шевченко и Стогнеева [1]. Они сбежали с пулеметом „Кольт" и сообщили штабу белых о расположении партизанских частей.

После их бегства взрывы усилились. Динамит рвали одновременно в нескольких местах: над лазаретом, штабом и мельницей. В то же время белые вели работу по подготовке грандиозного взрыва, который по их расчетам должен был поднять на воздух всю каменоломню.

Наступило затишье. Все прислушивались к последним приготовлениям врага. Наконец раздался страшный взрыв: земля задрожала, с неимоверной силой пронесся ветер, отбрасывая партизан в стороны, осыпая их каменным дождем. Почти все заходы были разрушены, но в нижних этажах, куда собрался почти весь отряд, взрыв не причинил особенно сильных повреждений и большинство людей уцелело.

В довершение всех бед от питания жареной пшеницей и ячменем усилились заболевания.

Выделили реквизиционную комиссию, которая с большим трудом пробралась через фронт в деревню Еникале, достала там продукты, рыбу, хлеб, с которыми вернулась в каменоломни. Через несколько дней реквизиционная комиссия снова отправилась через фронт, но не могла пробраться обратно.

Несмотря на тяжелые переживания и лишения, отряд оказывал противнику стойкое сопротивление, почему белые вынуждены были перейти к другим способам осады: днем они непрерывно бросали бомбы в заходы, стреляли из винтовок, взрывали скалы, ночью же отходили на приличное расстояние, огораживаясь колючей проволокой. Такая форма осады была для партизан наиболее тяжелой, лишая их возможности делать по ночам вылазки, бить белогвардейцев

[1] Оба бывшие белогвардейцы, взятые нами в плен.

в темноте с тыла, поддерживать связь с городской ячейкой, пополнять продовольственные запасы и связаться с красным фронтом.

Дни шли. Все с нетерпением ждали прихода Путилина и Ложкина, выделенных для связи с красным фронтом, но посланные не возвращались. Осада усиливалась, взрывы учащались. Без пищи, воды, в дыму, люди ослабели и походили на

Один из заходов Аджи-Мушкайских каменоломен, взорванных белыми.

какие-то тени. Дальше оставаться в каменоломнях никто не хотел и не мог. Со стороны партизан стали поступать всякого рода предложения: одни предлагали прорвать белый фронт и соединиться с красными, которые находились от нас на расстоянии 70 верст, другие—дождаться прихода красных в каменоломнях, но большинство настаивало на том, чтобы наступать на Керчь. „Партизаны,—говорили сторонники наступления,—обреченные на голодную смерть, не могут дальше оставаться в каменоломнях, не могут также измученные, израненные, больные прорвать фронт и соединиться с красными, тем более, что Керченский полуостров переполнен белыми войсками“.

VI

20 мая штаб, учтя настроение партизан, решил наступать на Керчь, вызвать тем самым панику на белогвардейском фронте и дать возможность Красной Армии очистить от белых Акмонайский перешеек.

Штаб выработал оперативный план наступления. Руководителем по захвату города (штабом) был выделен Косенко Дмитрий, а помощником его Денисов Василий.

В тот же вечер сделали вылазку из Аджи-Мушкайских скал. Белые обнаружили нас и сообщили о вылазке англо-французским судам, которые усиленно стали освещать территорию каменоломен прожекторами и обстреливать артиллерийским огнем деревню Аджи-Мушкай и каменоломни.

Под ураганным огнем, освещаемые ярким заревом горевшей деревни, с большим трудом добрался отряд к Вергопольским скалам. Здесь встретили партизанский отряд в сорок человек под командой Лагутина, выделенный ранее Аджимушкайским штабом для устройства засад.

В Вергопольских скалах сделали дневку. День прошел спокойно. Белые нас не заметили. Подсчитали силы, оказалось более 200 человек.

22 мая в 11 час. вечера получили приказ наступать на город. Путь лежал мимо деревни Булганак. Когда подошли к ней, один из партизан нечаянно выстрелил из винтовки. На выстрел отозвался белогвардейский пулемет, стоявший в стороне от деревни, на кургане. Такая расстановка пулеметов практиковалась белыми повсюду: она имела целью воспрепятствовать продвижению партизан.

Во время стрельбы показался конный разъезд белых. Он нас не заметил и вскоре исчез за холмами. Отправились дальше к городскому кладбищу; здесь отряд разбился на несколько групп. Одна, руководимая Денисовым В., получила задание отправиться на широкий мол, захватить там орудие, какое-нибудь из военных судов и разгромить все береговые посты.

Вторая группа, руководимая анархистом, (фамилии которого я не помню), получила задание захватить броневик „Пульман“, при его помощи занять вокзал и линию железной дороги от Брянского завода до крепости, уничтожить

белогвардейские части, осаждавшие Аджимушкайские каменоломни, и не выпускать войска белых из Керченской крепости.

Третья группа, руководимая Косенко Дмитрием, получила задание совместно с разведкой отправиться в город для захвата почты, телеграфа, разгрома штаба гарнизона, сыскного отделения, контр-разведки.

В 3 часа все части двинулись по намеченному маршруту. Я вместе с Денисовым отправился на широкий мол. Не успели мы дойти до него, как услышали в центре города, где была расположена контр-разведка, взрывы бомб и крики „ура".

Когда дошли до Карантинной, показались белогвардейские войска. Денисов с частью отряда вступил с ними в бой. Мне же с остальными товарищами было поручено продолжать наступление на мол. Когда мы подошли к молу, оказалось, что он переполнен обозами и лошадьми. С большим трудом, незаметно для белых, пробрались в середину (мола), поравнялись с судами, стали громко кричать: „Товарищи моряки, в город пришли большевики, забирайте в свои руки суда, присоединяйтесь к власти рабочих, арестовывайте своих командиров". Но команда судов к нам не присоединилась, а встретила пулеметным огнем. Особенно ожесточенно обстреляли нас с английских и французских миноносцев, на которые партизаны бросили несколько бомб.

На молу тем временем началась невероятная паника: многие белогвардейские солдаты со страху попадали в море. Мы осмотрели мол, искали орудия, но не нашли их среди обозов. Разгромив береговые караулы, отступили к центру города для соединения с отрядом.

Выйдя на Карантинную улицу, мы встретили противника, вступили с ним в бой и, несколько оттеснив его, направились дальше.

Близ табачной фабрики Месаксуди в конце Карантинной, соединившись с группой партизан, пошли дальше по Строгановской. Здесь снова произошло сражение, длившееся продолжительное время. Белые не наступали, но укрепившись в зданиях, ожесточенно обстреливали нас из пулеметов, и мы вынуждены были бросить несколько бомб в дома, стрельба из которых преграждала нам путь.

Денисов, увидев, что по Строгановской улице трудно пробраться к центру, подал команду принять вправо по Ремесленной. Когда дошли до Еврейской улицы, которая пересекала путь, с крыш снова градом посыпались пули. Сделав перебежку, мы двинулись дальше.

В это время перекрестной стрельбой несколько партизан было убито и ранено. В том числе оказался раненным в шею и бедро Денисов В. Командование отрядом он передал мне. Отряд двинулся дальше к речке Мелек-Чесме. Перейдя мост (за бывшей Ширгородской мельницей), пошли по Госпитальной. Здесь расстреляли несколько белогвардейцев и направились на соединение с отрядом Косенко.

По пути к нам присоединились моряки, грузчики, строители, всех их мы снабжали захваченным оружием. Соединившись с отрядом Косенко на Константиновской улице, продолжали вести бой.

С горы Митридат мы увидели, как в городе разрасталась паника: по улицам и на окраинах бегали полураздетые белогвардейцы, галопом неслись кавалеристы.

Лишь только мы ворвались в город, крестьяне окрестных деревень, сочувствующие революционному движению, вооружившись чем попало—винтовками, охотничьими ружьями, топорами, вилами, направились в Керчь, но по пути, встреченные орудийным огнем бронепоезда „Пульман“ и кавалерийским отрядом, разбежались

Тем временем на помощь противнику выступили войска из Керченской крепости. Укрепившись на Митридате, мы в течение целого дня отбивали все атаки противника. К вечеру на помощь к нему пришли английские и французские интервенты, открывшие по городу усиленную стрельбу из морских двенадцатидюймовых орудий.

Ураганным огнем союзников мы были выбиты с горы Митридат, а ночью город был сдан белым палачам. Началась жестокая расправа. Город был затоплен кровью, усеян трупами красных партизан и мирных жителей. Трупы висели повсюду, на столбах и на деревьях. Вешали, расстреливали без суда. По окрестностям города ездили кавалеристы, разыскивали партизан в деревнях, в степи, на полях среди растущих хлебов и тут же их убивали. Встречая измазанных рабочих, грузчиков, кочегаров и проч., белогвардейцы

задерживали и расстреливали их на месте, так как черное измазанное тело рабочего было первой уликой, что он партизан. Тюрьмы были переполнены до отказу.

Эксплоататоры ликовали. Еще по улицам валялись трупы, но керченское духовенство, офицеры и генералы совместно с буржуазией организовали торжественное шествие с иконами, хоругвями, пением: „боже царя храни“. Говорились речи, произносились тосты по поводу „избавления от большевистской нечисти“.

Место, где похоронено несколько сот керченских партизан, павших в борьбе с белыми. Открытие памятника на братской могиле.

После молебна трупы продолжали висеть еще несколько дней. Тогда с протестом против белогвардейских зверств выступили французские моряки, которые потребовали прекращения расправы над рабочими.

На защиту белых палачей перед французскими моряками выступили керченские меньшевики и эсеры во главе с Войцеховским и Грозненским (которые возглавляли желтое керченское профбюро). Они поместили в демократической газете „Волна“ статью, в которой указывалось, что „наши профсоюзы с большевиками-бандитами, засевшими в каменоломнях, ничего общего не имеют“.

Отступив из города, мы разбрелись по разным направлениям. Положение наше было чрезвычайно тяжелое,

т. к. еще в городе мы услышали, что красные, отступив с Акмонайского фронта, покинули Крым и продолжают отходить.

Тогда же мы узнали о судьбе жителей деревни Старый Карантин и партизан, оставшихся в Старо-Карантинских скалах. Оказалось, что некий Иванов (из дер. Ст. Карантин) выдал белым партизан и крестьян, сочувствующих революционному движению. По его указанию было расстреляно 17 человек, а затем еще несколько групп. Многие были арестованы и заключены в крепость. Расстреляв сотни невинных, белые арестовали и самого предателя Иванова и повесили его на столбе на видном месте.

Судьба партизан, оставшихся в Старо-Карантинских каменоломнях, была ужасна. Белогвардейцы, ворвавшись в каменоломни, вытащили всех раненых и больных партизан. Часть из них в количестве 20 человек расстреляли близ шоссейной дороги, других наиболее активных вывезли на Собачий курган, долго пытали, а затем зверски казнили. Курган был завален трупами борцов. Их долго не разрешали хоронить.

Так закончилась героическая борьба партизанского отряда, который почти на протяжении пяти месяцев защищал власть рабочих и крестьян, защищал Пролетарскую Революцию.

А. Фридрих

Евпаторийский комсомол в подпольи

(Из жизни и работы Евпаторийской организации РКСМ в 1919—20 гг.)

После кратковременного пребывания в Крыму Советская власть под натиском белых частей вынуждена была 23 июля 1919 года во второй раз оставить территорию Крыма.

Партийная и комсомольская организации снова ушли в подполье. Евпаторийская организация Комсомола, насчитывающая в своих рядах до эвакуации около 200 человек членов, в громадном своем большинстве отступила вместе с Красной Армией, в результате чего при переходе на нелегальное положение в организации оставалось, примерно, 15—20 человек.

Отсутствие в Евпатории даже средних размеров промышленных предприятий приводило и в легальное время к сравнительно небольшому охвату молодежи (200 чел.), которая вербовалась, главным образом, из полупромышленных и сезонных рабочих (горняки, трамвайные рабочие, санитары и т. д.).

Вот почему, вступая небольшой группой в новый этап работы, мы (пишущий эти строки входил в подпольную группу) пришли к выводу о невозможности и нецелесообразности в интересах конспирации привлечения новых членов.

В процессе работы, однако, мы привлекали и не входивших формально в организацию товарищей.

В ближайшие дни после ухода красных нечего было и думать о какой бы то ни было работе, больше того: ни одному из оставшихся нельзя было показываться даже на улицу, т. к. контр-разведка начала разыскивать и пресле-

довать не только партийцев и комсомольцев, но и вообще беспартийных рабочих и служащих, в той или иной степени выражавших свои симпатии Советской власти. Для комсомольцев это положение обострилось тем обстоятельством, что два комсомольца легального периода после ухода советской власти поступили на службу в контр-разведку и от них можно было ожидать всякого „подвоха“. Пришлось поэтому некоторое время выждать, скрываясь, пока не прекратятся повальные обыски и аресты. Недели через две все ребята уже связались друг с другом и приступили к работе.

Первоочередной нашей задачей было установление связи с партийной организацией. В последней беседе с уходящими руководителями комсомольской организации мы выяснили, что партийный комитет на последнем своем заседании постановил отчислять небольшое количество средств для обеспечения семей ушедших комсомольцев, при чем список этих семей мы тут же получили. Деньги мы должны были получить от тов. Михайленко, оставленного партийной организацией для подпольной работы.

Это послужило моментом для связи с парторганизацией: с большими трудностями, нарушая самые элементарные правила нелегальной работы, М. Бреннер и А. Фридрих разыскали т. Михайленко и установили с ним связь (первое время один т. Михайленко олицетворял всю партийную организацию). От него же мы получили первое задание—расклеить прокламации.

... Была темная, беззвездная ночь средины июля... В белых костюмах (какими мы были еще неопытными, непредусмотрительными), с пачками листовок мы около полуночи вышли на работу. Через два часа весь город был оклеен прокламациями, призывавшими население к стойкости и твердости в борьбе с врагами.

А на-утро—взрыв негодования со стороны белых властей: безрезультатные розыски, аресты.

Так прошел наш первый „дебют“ в подпольной работе.

Как уже указывалось, к практической работе был привлечен ряд товарищей, не являвшихся комсомольцами. Например, в нашей работе принимали активное участие: жена комиссара народного просвещения Евпатории т. Ледвиг-Заревская, сестры Аня и Варя Якубовские и др.

На первом же заседании группы, узнав из газет о победах Красной Армии над Колчаком, было решено выпустить соответствующее воззвание. Составление текста воззвания было поручено т.т. Ане Якубовской, Мане Кобриной и др.

В то же время из Одессы в Евпаторию приехал для подпольной работы т. Михаил Просмушкин, наборщик по профессии, с которым очень легко и быстро связались и поручили ему отпечатать воззвания.

Через несколько дней силами комсомольцев воззвания были распространены по городу.

В таком направлении протекала работа почти без перебоев, налаживалась связь с областным центром. Условия благоприятствовали ведению работы: организация имела возможность пользоваться местной типографией, имелись небольшие денежные средства.

Но не долго длилось такое положение; в одну прекрасную ночь контр-разведка, каким-то путем узнав о местопребывании т. Михайленко, организовала налет на его квартиру, но к счастью ему удалось скрыться от пьяных „гостей".

Через некоторое время т. Просмушкин уехал из Евпатории для установления более тесной связи с областным комитетом; на пути в Ялту он был арестован и расстрелян.

Партийная организация распалась, Комсомол, оторванный от руководящего центра, остался совершенно без средств.

Направив все усилия на изыскание средств и восстановление связи с партией, организация занялась и политическим самообразованием, возможным в условиях подпольной жизни: читали и разбирали политическую литературу, какую можно было достать, проводились беседы, главным образом, о „текущем моменте", поскольку этот вопрос больше всего интересовал молодежь.

Насколько помнится, читалась и современная художественная литература.

Вспоминается один из эпизодов нашей подпольной жизни... Решили выпустить воззвание. Денег нет. Основной вопрос: „как достать денег". Один из членов нашей организации, Тема Дембовская, жертвует свои часики с целью изыскания средств путем розыгрыша их. Была выдумана какая-то „женщина" с детьми, в пользу которой, якобы, розыгрыш и производится.

Вооружившись подписными листами, двое товарищей (Клева Ковырева и Соня Фомберг) пошли по разным ресторанам и кафе-шантанам, предлагая покупать билеты. Это как будто бы невинное предприятие оказалось сопряженным с некоторой опасностью, если принять во внимание, что уличные мальчишки кричали вслед нашим товарищам: „Вот коммунисты, большевики". И это на глазах офицеров, которым предлагались билеты.

Все же работа была доведена благополучно до конца. Собрав около 2000 рублей, мы дали объявление в местную газету о розыгрыше, после чего можно было приступить к практическому осуществлению поставленной задачи.

С двумя препятствиями мы столкнулись при практической работе по выпуску воззвания: 1) слишком уж подозрительно начали поглядывать чины контр-разведки на наших ребят, а, следовательно, очень рискованно было выпускать воззвания за подписью „**Комсомол**", так как только отсутствие прямых улик против нас удерживало конт-разведку от нашего ареста. Появление комсомольского воззвания могло, несомненно, обострить положение. 2) Никоим образом не представлялось возможным отпечатать прокламации, и мы предстали перед необходимостью выпустить их в рукописном виде.

Эти препятствия, однако, не должны были помешать выполнению намеченной работы, и потому двое суток по 10—12 часов в день все комсомольцы писали прокламации, никто не думал об усталости, о чрезвычайно напряженном, однообразном труде: была цель, которую во что бы то ни стало надо достигнуть.

И она была достигнута,—свыше 200 прокламаций за подписью „УКОМ РКП" (за что кстати сказать, нас впоследствии журил приехавший в Евпаторию представитель ОК РКП, тов. Моисей, погибший в Симферопольской контр-разведке в мае 1920 г.) были готовы.

Среди бела дня мы разносили листовки по профсоюзам, раздавали отдельным рабочим, а также (юношеский задор) по одному экземпляру рассылали всем начальствующим лицам города.

Снова взрыв негодования белогвардейских властей.

Снова попытка найти виновников нарушенного покоя.

Снова безрезультатная беготня, поиски, расследования и...

Снова торжество молодых борцов, довольных успешным окончанием своей тяжелой работы.

Немного времени спустя, приблизительно в январе-феврале 1920 года характер работы нашей организации несколько меняется в связи с приездом в Евпаторию представителей ОК РКСМ тов. Шацкого и ОК РКП, упоминавшегося выше, тов. Моисея.

Прибывший для укрепления и оформления союза т. Шацкий застал тесно связанную между собой группу комсомольцев, по мере сил и возможностей ведущих работу с момента ухода советской власти.

Тов. Шацкий некоторое время пробыл в Евпатории, и под его руководством мы провели реорганизацию Союза, изменив как формы, так и содержание работы. Ряд провалов в городах Крыма выдвинул с особенной остротой вопрос об усилении конспирации. Этот вопрос был выдвинут и перед Евпаторийской организацией. Несмотря на прочную связь, тесную спаянность, твердую уверенность друг в друге, мы приняли все предложения т. Шацкого, направленные к разделению работы отдельных товарищей.

Была создана руководящая тройка (Горком), в состав которой вошли пишущий эти строки, М. Бреннер и Б. Моняк.

Кроме того, при комитете были созданы отделы, к которым были прикреплены определенные товарищи.

Усиление конспирации достигалось тем, что работники одного отдела не могли никому сообщать о своей работе.

Работой всех отделов руководил естественно Горком.

Несмотря на некоторое скептическое отношение товарищей к такому несколько искусственному насаждению конспирации, которая и до того была вполне достаточной, эта новая структура организации была проведена.

Были созданы три отдела: политико-просветительный, санитарный и контр-разведочный.

Кратковременное пребывание Советской власти в Крыму не дало возможности членам Комсомола получить хотя бы минимум политических знаний.

Этот пробел должен был быть, конечно, в известной степени восполнен политико-просветительным отделом.

В условиях белогвардейского гнета, без материальных средств, при отсутствии должного и необходимого руководства,—многого сделать в этом отношении нельзя было: проводились читки, беседы, о которых выше уже было сказано.

Санитарный отдел должен был подготовить, главным образом, девушек, к соответственной работе при возможных столкновениях рабочих и белогвардейских частей.

Подготовительную работу („санучеба") отдел проводил, но практически полученные знания применить не пришлось, так как Евпатория никаких боев и столкновений не переживала.

Работа контр-разведочного отдела заключалась в слежке за действиями и поведением белогвардейских шпионов.

Работа этого отдела была наиболее важной и ответственной, так как в это время в ряде организаций, в частности, в Симферополе, произошли провалы, и некоторые партийные и комсомольские работники перебрались в Евпаторию.

Случались и курьезные моменты в этой работе.

Так однажды двое товарищей (С. Шнейдер и К. Ковыркова) были посланы для наблюдения за одним полозрительным субъектом, очень часто показывавшимся у дома, где проживала прибывшая из Симферополя Женя Жигалина (впоследствии зверски замученная в Симферопольской контрразведке). В результате долгих наблюдений и слежки наши товарищи сами стали объектом преследования со стороны „шпика", и с большим трудом им удалось выбраться из поля его зрения.

Так, изменив организационные формы, Евпаторийский Комсомол изменил содержание и характер работы.

Связь с областным подпольным центром была налажена.

Как только в Евпатории организовался партийный комитет, Комсомол с ним немедленно связался и в дальнейшем всеми силами помогал в его работе. Всякое задание, даваемое партийным комитетом, выполнялось комсомольцами точно и безукоризненно.

Особенно тесная связь была с одним из руководителей партийного комитета т. Л. Магазинником.

„Генштаб", как мы шутя называли нашу явочную квартиру (квартира Фридриха), была также штабом и партийной организации: здесь хранились печати, секретные бумаги,

циркуляры и приказы, приходившие из Областного Комитета и штаба красно-зеленой армии. Заседания партийного комитета часто происходили тут же. Сюда же заезжали прибывающие из других городов товарищи. Таким образом, в этот период связь между комсомольской и партийной организацией была самая тесная и вполне достаточная.

В таких условиях работа велась до августа 1920 года, когда белогвардейской разведке удалось раскрыть и Евпаторийскую организацию. После симферопольского провала часть товарищей, как уже было сказано, переехала в Евпаторию, и это вскоре стало известно разведке.

В одну прекрасную ночь был арестован ряд партийцев и комсомольцев, среди них: т. т. Лысенко, Шулькин Завель, Бейнусович, Сима Ратнер, М. Бреннер и др. Последний был задержан рано утром на пути к слесарной мастерской, в которой он работал. Начался обычный для белогвардейских разведок допрос при помощи „шомполов", прижиганием пяток свечами и тому подобными издевательствами, что заставило одного из арестованных (Симу Ратнер) бежать, выбросившись из окна второго этажа на улицу. Она была конечно, поймана.

Благодаря выдержке, стойкости и преданности товарищей остальным пришлось всего этого избегнуть и оставаться на воле до ликвидации ненавистного режима.

Работа все же была парализована: большинству товарищей пришлось скрываться вплоть до освобождения Крыма красными войсками.

Вспоминается день 25 октября (7 ноября) 1920 года.

Как учащенно бились сердца... как дрожали голоса от волнения, когда собравшись в темной комнатушке, мы говорили о значении этого великого дня.

Высказывалась твердая уверенность, что в день годовщины Великого Октября доблестная Красная Армия присоединит Крым к общероссийской Советской федерации.

Все были уверены, что 25 Октября—последний день ненавистного строя. И действительно, в это время Красной Армией взята была последняя твердыня Российской контрреволюции—Перекоп, и началась паническая эвакуация белых.

Власть переходит к совету профессиональных союзов.

12 ноября мы уже почти легально, с участием и неподпольной молодежи, обсуждали вопросы союзного строительства, а 14 того же месяца подпольная организация Комсомола вместе с освобожденными из тюрьмы товарищами и массой революционно-настроенной молодежи встречала передовые отряды наших освободителей—Красную Конницу.

С этого дня Евпаторийский Комсомол вступает в новый этап развития.

С этого дня Евпаторийская организация РКСМ, приобщенная к единой Всероссийской комсомольской семье, начинает новую свободную жизнь...

—

Л. И. Ремпель

Как организовался крымский десант

(Новороссийск—Капсихор, ноябрь 1920 года)

(По неопубликованным материалам Музея Революции и устным воспоминаниям участников).

Задача настоящей статьи осветить одну из отраслей закордонной работы в Крыму в дни гражданской войны на юге России.

Что, собственно, представляла собой закордонная работа?

Закордот или закордонный отдел являлся организованным аппаратом при ЦК КПУ, в задачи которого входило: 1) установить теснейшую связь с подпольными коммунистическими организациями, находившимися вне пределов территории, занятой Красной Армией, в данном случае с подпольными организациями, находившимися на территории Крыма, 2) поддержать их материально, 3) помочь им в деморализации тыла, так называемой, Добровольческой армии, в контр-разведывательной работе и т. д.

Работу свою закордот тесно сочетал с работой Региструна, органа при Реввоенсовете Югзапфронта, в задачи которого входила организация тылового шпионажа у белых.

В кратких чертах, военно-стратегическое положение частей Красной Армии и белой армии к лету 1920 года складывалось на Юге России следующим образом: Кубань, Дон, Северная Таврия и Одесский район находились в руках советского командования. Крым являлся единственным и последним оплотом южной контр-революции. Линиями непосредственного соприкосновения красных и белых войск являлись исключительно Перекоп-Сивашские позиции и, лишь

отчасти, насколько это позволяли воды Керченского пролива, берега Керчи и Тамани. Что же касается до водных границ морей, омывающих Крым, то там стратегическое преимущество было целиком на стороне белых, т. к. в их руках сосредоточились все уцелевшие морские силы Чернфлота.

Революционное подполье на территории Крыма в тот момент существовало в лице нелегальной организации большевиков, насчитывавшей не более 150 членов, организации

Группа руководителей и участников Крымского революционного подполья 1919—20 г.г.

Стоят: 1. Африканец-Валиков, 2. „Шура", 4. Курган, 5. Василий-Васьковский, 6. Катя Максимова, 7. Новяков, 8. Я. Черный, Сидят: 1. Левковский. 2. Н. Глатман, 3. О. Тарханов, 4. Лысенко, 5. Бабахан, 6. Григорович, 7. Фирсов, 8. Егерев. Внизу: 1. Цивлина, 2. Мацев, 3 Ословский, 4. Фальк.

Комсомола, более 200 человек, а также повстанческой армии в лесах Крыма, которая вела борьбу под руководством партийной организации и насчитывала в своих рядах до 400 человек. Руководили этими организациями нелегальный Областной Комитет партии, Областной Комитет Комсомола, Областной Военно-Революционный Комитет и Главный Штаб Повстанческой Армии.

Эти организации, помимо своей политической работы, должны были сыграть большую роль в разложении белого тыла, в контр-разведывательной работе, а также в подготовке

в тылу у белых вооруженного восстания. Вместе с тем, все эти организации, связанные с боевой деятельностью подполья, нуждались в установлении регулярной устойчивой связис советским побережьем в лице закордота.

Поскольку вопрос о связях и функционировании постоянных переправ в Совроссию являлся важным для Крымского подполья, я позволю себе остановиться на нем подробнее.

Наиболее постоянной и значительной переправой был путь через Евпаторию на Очаков-Одессу. Наладить ее удалось Евпаторийскому Городскому К-ту еще в июле месяце 1920 г. Адольф Шмидт и Семен — два рыбака, хорошо знакомые с Евпаторийским и Одесско-Очаковским побережьем, по поручению комитета ночью из дер. Баккал перевозили на ялике „Грозный" на советский берег людей, корреспонденцию, а возвращались с инструкциями, оружием и литературой. Оружие обычно передавалось в Городской комитет, который направлял его в лес на пополнение вооружения партизан. У нас сохранился документ, наглядно характеризующий внимание, которое уделялось Областкомом связи с советским берегом и в частности Евпаторийской переправе. Документ этот представляет собой циркулярное отношение, написанное секретарем подпольного Обкома тов. Бабаханом из леса, (где тогда при Повстанческой армии обосновался Обком) в Евпаторийский Горком РКП[1].

Н. Л.
Крымский Областной Комитет
Российской
Коммунистической Партии
(Большевиков)
№ 439
Августа „12" дня 1920 г.

В Евпаторийский Горком
РКП/б

Получил В/отчет и информацию об отчете финансовом вполне согласны будет ровно; но не сейчас, а потом, когда будет возможность и люди. Науму [2] передано такое же постановление К.О.К., и отчет у него не принят. В дальнейшем согласно постановлению конференции [3], 50%

[1] Документ печатается без редакционных поправок с сохранением стиля подпольного циркуляра. Редакция.

[2] Тов. Наум, тогда член Евпат. К-та, был ОК партии направлен из Симферополя для работы в Евпаторию.

[3] Речь идет о т. н. „лесном совещании" в июне 1920 г., созванном в лесу из городск. раб. и коммун. партизанск. армии.

всех сумм, поступающих откуда бы то ни было в местные организации, должны быть немедленно переданы в К. О. К., а на остальные 50% вестись строгая отчетность. О прекращении работ в Евпатории говорить не приходится. След. курьером О. К. пришлет циркуляры о ходе работ и инструкции, но для Евпатории в данный момент самая важная работа: 1) поддержка связи с Совроссией, 2) транспортирование работников по ордерам К.О.К. на тот берег, 3) доставка оружия и средств с того берега. О свед. В. сообщаемых нам известно. Людей, вооружение и обмундирование, если есть, пришлите в лес. Не принимайте ни с какими мандатами в организацию людей, которых никто лично не знает, дабы избегнуть возможной провокации. Всем коммунистам привет. Адольфа и Барона по возвращении немедленно отправьте в лес со всем грузом и деньгами.

Ваш Секретарь К О.К. Николай Б.

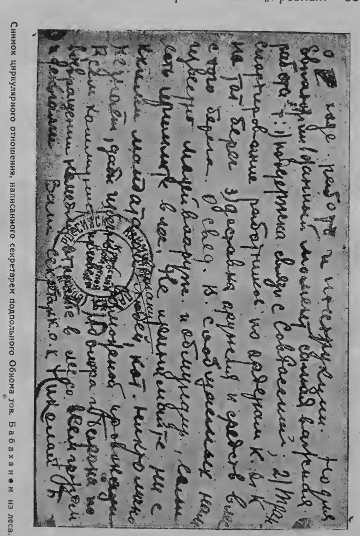
Как видно из вышеприведенного документа, Областной Комитет Партии уделял большое внимание связи с Советской Россией, транспортированию работников и доставке оружия, возлагая при этом значительные надежды на Евпаторийскую переправу.

Еще в самом начале 1920 года Евпаторийская организация переправила на советский берег тов. Гримблата-Волкиндера, работавшего затем в Одессе в качестве уполномоченного закордота по крымской работе. В феврале-марте месяце переправили Луку Луговика[1], работавшего затем также по связи с Крымом. Через некоторое время был переправлен из Крыма тов. Клейман (Севастопольский анархист) с 16-тью товарищами. В августе месяце Клейман при содействии Гримблата привез из Одессы совместно с тов. „Гитой“ целый пароход товаров (якобы из Вилкова), выручка от которых должна была поступить в фонд областной организации. Однако, благополучно начатая реализация привозимых товаров провалилась. Клейман вместе с т. Гитой был арестован контр-разведкой и расстрелян.

Вскоре после провала Клеймана произошел еще ряд провалов в городе: были арестованы т.т. Лысенко, Адольф (анархист) и др.

[1] Член подпольн. Крымревкома, член Южной группы анархистов-коммунистов.

Время Сакского провала совпало с моментом привоза из Совроссии радиоустановки и радиотелеграфиста специально для повстанческой армии. Ялик „Грозный“ обычно

о [illegible] ходе работ и инструкции. Но для
повстанчества данный момент самая важная
работа т.: 1) поддержка связи с Совроссией; 2) тран-
спортирование работников по ордерам К. О. К.
на тот берег 3) доставка оружия и средств в лес
с того берега. О свед. В. сообщаемых нам
известно мало вооруж. и обмундир., если
есть принимайте в лес. Не принимайте ни с
какими мандатами людей, кот. никто лично
не знает, дабы избежать возможной провокации.
Всем коммунистам [illegible] Иодофора и Берока по
возвращении немедленно отправьте в лес. Всем грузом
и [illegible] Ваш секретарь К. О. К. Николай Б.

Снимок циркулярного отношения, написанного секретарем подпольного Обкома тов. Бабаханом из леса.

разгружали близ дер. Баккал, где вещи грузили на подводу, переправляли в Саки и хранили их в предместьях города на баштанах до отправки в лес. Напуганные обысками и арестами товарищи поспешили уничтожить все улики, бросили корзину с радиоустановкой в озеро, в котором она

и погибла. В связи с полосой провалов, многим пришлось уехать в другие города, или же, пользуясь переправой, выехать в Совроссию. Вслед за полосой провалов выехал на ялике между прочим и т. Магазинник „Косой“ — активный член Евпаторийской организации, принимавший затем участие в организации крымского десанта. Но все же, несмотря на провалы, Евпаторийская переправа продолжала свою работу вплоть до прихода Советской власти.

Другим подходящим пунктом для связи с советским берегом, в силу своего географического положения, был Керченский пролив, через который в темную ночь, со значительным риском переправлялись подпольщики. До самых последних дней подполья наладить организованную переправу между Керчью и Таманью так и не удалось. Каждый переезд был сопряжен с большим риском. Ночью пролив освещался прожекторами с крепости и судов, а дежурный белый пароход всегда плавал близ берегов, не допуская ялики далеко удаляться от белого берега и выходить ночью в открытое море. Когда же смельчакам удавалось все-таки приплыть к „красной“ стороне, нередко их обстреливали сторожевые красные части; несмотря на это, несколько раз настойчивым местным работникам удавалось переплыть незамеченными пролив. Эти переправы систематического и организованного характера не носили.

Закордотом ЦК КПУ также принимались меры к налаживанию связи с Крымом через Тамань—Керчь, но безрезультатно. С этой целью, например, посылался закордотом на Тамань тов. Панченко, которому, однако, организованной переправы создать не удалось.

Был еще один путь в Совроссию, путь более долгий, сопряженный с большими трудностями в смысле организации постоянной связи, но зато более удобный в конспиративном отношении. Путь этот лежал с Южного берега от Алушты до Феодосии на Кавказ. Выехав на быстроходном суденышке из какой-либо прибрежной заброшенной татарской деревушки, можно было вечером, при известных условиях выйти незамеченным в открытое море, а затем в течение ночи значительно приблизиться к советскому берегу. Этим путем Южный берег—Кавказ прибыл в Крым т. Мокроусов с товарищами и этим же путем выехал из Крыма

тов. Бабахан с Катей Григорович, Бароном, Левой Леонтьевым, Руманом-Поляковым и др.

Преимущество этого пути заключалось в следующем: Южный берег района Алушта—Судак всегда представлял собой наиболее заброшенную часть Крымского побережья. Отсутствие крупных населенных пунктов, а следовательно и слабость береговой охраны, непосредственная близость гор, лесов, где укрывались партизанские отряды, делали это побережье наиболее благоприятным для массовых высадок. В то время, как Евпаторийская переправа давала возможность перевозить отдельных товарищей и небольшие грузы, условия этой местности позволяли мечтать о создании здесь постоянной организованной переправы, по которой из Совроссии могли бы прибывать в лес на пополнение партизанской армии оружие, амуниция и небольшие десанты.

Задача организации постоянной переправы могла быть выполнена только при условии активной помощи и поддержки советского берега. Для этого необходимо было опять-таки увязать работу местных организаций с работой органов зарубежной работы Советской республики и в первую очередь с закордотом ЦК КПУ, а также со штабами тех частей Красной Армии, которые были расположены на противоположном берегу. Таковы были общие условия связи местных подпольных организаций с советским берегом.

Условия работы, в частности подготовка вооруженного восстания, выдвинули перед органами крымского подполья вопрос об установлении прочной связи с советским берегом и о присылке вооруженного десанта для пополнения боевых сил.

В первых числах октября 1920 г. тов. Мокроусов, командующий Повстанческой армией, откомандировал с этой целью в Совроссию тов. Папанина, которому было поручено договориться с закордотом об организации крымского десанта. Десант должен был представлять собой небольшой отряд испытанных бойцов, хорошо вооруженных и обмундированных, которые, влившись в Повстанческую армию, должны были усилить ее военную и организационную мощь и, кроме того, непосредственно участвовать в подготовлявшемся в Крыму захвате власти. В первых числах октября Папанин с докладом Мокроусова прибыл в штаб Югзапфронта, помещавшийся

в Харькове. Положение вещей было таково: Секретарь КрымОК Бабахан, сдав командование Повстанческой армией тов. Мокроусову, руководство Обкомом сдал рабочей тройке ОК в составе Антона Ословского, „Тони" Федоровой и Мити Гордеенко, сам же в конце августа месяца выехал из Крыма, как выше указывалось в Совроссию и теперь исполнял обязанности члена Коллегии Закордота ЦК КПУ[1].

Там же работали т.т. Гавен—видный крымский партийный работник и Павлов-Немченко[2]—работавший в закордоте по крымской работе. Оба они являлись членами Коллегии. Вскоре прибыл в Харьков из Евпатории через Одессу в распоряжение закордота и тов. Косой. Таким образом, о положении в Крыму закордот был хорошо осведомлен. Состоялось специальное расширенное заседание Коллегии Закордота, на котором обсуждался вопрос об организации крымского десанта.

Необходимость спешной помощи Крымской Повстанческой армии и в частности организации крымского десанта не вызывали сомнений. Вопрос был в том, какими путями держать связь с подпольным революционным Крымом, как организовать переброску десанта. Было общеизвестно то обстоятельство, что в Черном море красные войска флота не имели. Все мало-мальски пригодные суда были уведены белыми и нещадно ими разгромлялись и продавались за границу. Красным командованием была организована сухопутная переброска небольшой части морских сил из Белого в Черное и Азовское моря. К моменту совещания закордота в Харькове прибыла партия судов, направлявшаяся в Таганрог, и среди них 2 истребителя новейшей американской конструкции. Совещание закордота постановило эти 2 судна переправить в Новороссийск, а тов. Папанину поручить провести срочную секретную подготовку к посылке десанта в Крым. Ему же поручено было спешное формирование небольшого отряда бойцов-добровольцев. Вся подготовка десанта должна была являться оперативной тайной, не подлежащей оглашению, и участники десанта поэтому не должны были знать,

---

[1] Товарищ Бабахан выехал согласно постановления августовской конференции, в задачу его входила и помощь организации десанта.

[2] Видный крымский меньшевик, к тому времени вошедший в партию.

куда направляется судно, вплоть до его отплытия. Предстояло спешно отремонтировать суда, привести их в боевую готовность, при чем главное внимание обращалось не на вооружение, а на максимальную быстроходность суден. Оба „истребителя“ представляли собой моторные лодки громадной быстроты хода. На обоих установлено было по 3 сильных бензиновых мотора, развивавших благодаря небольшим размерам истребителей большую скорость. Обращала на себя внимание оригинальность конструкции—без труб, с закрытой выпуклой палубой, без выдающихся бортов. Вооружение каждого из них состояло из одной 75-тимиллиметровой пушки и двух кольтовских пулеметов. Конечно, вооружение ничтожное, но зато не обременявшее и не стеснявшее быстроту хода истребителей. Поместиться на них могло по 50 человек и небольшой тоннаж оружия и обмундирования для Повстанческой армии.

Выйдя утром из Новороссийска, истребители могли с наступлением ночи приблизиться к крымскому берегу, выгрузить десант, груз, а к рассвету быть уже более чем на полпути к Новороссийску.

Через несколько дней после отъезда Папанина, закордотом были получены сведения о том, что Папанин не соблюдает правил конспирации, разглашает оперативную тайну организации десанта.

Закордот ЦК КПУ 17-го октября срочно командировал тов. Косого на розыски и арест тов. Папанина с группой. В случае, если обвинения Папанина оказались бы обоснованными, Косому надлежало немедленно сообщить об этом в Закордот.

Тов. Косой получил следующий мандат:

Коммунистическая Партия
(Большев.) Украины

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Закордонный Отдел

Секретариат
Октября 17 дня 1920 года
№ 527/с
г. Харьков

Весьма секретно

МАНДАТ

Предъявитель сего тов. Косой делегируется в Ростов-на-Дону, Новороссийск и Кавказско-Черноморский берег для выполнения особых задач, возложенных на него.

Ему дается право ареста тов. Папанина со всей группой сотрудников и принятия всех сумм, вещей, оружия и мандатов от них.

По делам службы тов. Косому разрешается проезд во всех штабных и делегатских вагонах и в составах разных наименований и назначений, на пароходах, лодках, катерах, как и вообще пользоваться всеми видами передвижения и связи, разрешается разговор по прямому проводу, радио и подача простых и шифрованных депеш с надписью „военная", „срочная", „секретно" и т. д.

Тов. Косой имеет право хранения при себе огнестрельного оружия, разные секретные документы и обмундирование и неограниченную сумму денег в разной валюте, каковые осмотру, конфискации или отобранию без ведома Закордота ЦК КПУ не подлежат.

В виду важности возлагаемых на тов. Косого заданий, всем военным и гражданским учреждениям, равно Чрезвычайным комиссиям, Особым отделам и Регистрационным отделам предписывается содействовать ему во всех случаях, когда это при исполнении своих служебных обязанностей окажется необходимым.

Мандат действительностью по 30 ноября 1920 г. и собственноручная подпись тов. Косого . . . . подписями и приложением печати удостоверяется.

Нач. Закордота ЦК КПУ (Маркус).

Секретарь

Печати: Закордота и Уполном. Особого Отдела Югзапфронта.

В Ростове тов. Косой обратился в Реввоенсовет штаба Кав. фронта, где сообщил причины своего приезда. После продолжительных розысков Папанина по прямому проводу по всем городам Черноморско-Кавказского побережья, последний лично явился в Ростов. Выяснилась полная неосновательность выдвинутых против Папанина обвинений. Никаких сведений он не разглашал, и завербованные им бойцы оставались совершенно не в курсе того, куда их направляют. Немедленно шифрованной телеграммой Закордот был поставлен об этом в известность.

Закордот ЦК КПУ ответил дополнительным распоряжением о назначении тов. Косого Зам. Уполномоченным закордота ЦК КПУ по Черноморско-Кавказскому побережью. Ему предлагалось приступить совместно с Папаниным к немедленной организации десанта.

Тов. Папанин выехал в Новороссийск, где ему предстояло сговориться с местными властями и наладить ремонт истребителей, а тов. Косой в Реввоенсовет 9-й Кавказской армии, где он должен был договориться о том, чтобы найти какой-либо морской завод, где можно было на боевую ногу поставить сборку истребителей.

Переговоры закончились тем, что для ремонта истребителей был предоставлен Новороссийский морской завод.

Работа на заводе сразу закипела. Работал завод круглые сутки. Рабочим выдавались боевые пайки. Спешно ремонтировали, снаряжали и вооружали истребители. Рабочие работали с большим подъемом, несмотря на то, что никто не знал куда, зачем и почему снаряжаются эти судна. Ремонт шел настолько интенсивно и с таким неослабевающим напряжением, что его надеялись закончить в течение 2—3-х недель.

Параллельно с работами на заводе шел усиленный набор охотников для участия в подготовлявшейся кампании. Записывались в большинстве наиболее боевые партийцы, притом исключительно из военно-морских частей.

Наконец, в конце октября один из истребителей был готов, и решено было организовать пробу—рейс Новороссийск-Геленджик и обратно.

Участвовали в этом пробном походе: командующий 9-й Кубанской Армии тов. Чернышев, Уполномоченный ЦК т. Бабахан, член Реввоенсовета 9-й Кубанской армии т. Эпштейн, Начальник Главного Военного Новороссийского порта т. Гедеванов, Папанин, Косой, командир истребителя и 2—3 человека команды.

До Геленджика истребитель шел хорошо на одном моторе, развивая удовлетворительную скорость (60 километров). На обратном пути ночью работали уже два мотора, скорость была увеличена.

На полпути к Новороссийску от быстрого хода ослабли кронштейны, и корма начала давать течь. Вода усиленно

просачивалась внутрь. Схватились за ручной насос и принялись откачивать воду. Кубрик стал быстро наполняться водой, работали по пояс в воде, выкачивая насосом и ведрами. В работе принимали участие все от рядового матроса до командующего армией. Пробовали сигнализировать на берег лампочкой, прося о помощи, но безрезультатно. Трудность положения осложнялась тем, что береговой прожектор все время шарил по морю, но не мог открыть судна. Сначала все радовались тому, что прожектор их откроет и пришлет помощь, но затем вспомнили, что, выходя из порта, сообщили береговым батареям, что идем на Анапу, куда думали ехать, а когда выехали в море переменили маршрут на Геленджик. При этих условиях радость сменилась тревогой: если бы прожектор открыл судно, то береговые батареи, приняв его за вражеское судно, могли открыть по нем огонь. Раздались голоса, предложившие лучше выброситься на берег, чем продолжать томиться в таком полупотопленном виде, и только благодаря твердости командира Чернышева с потухшими огнями на одном моторе едва дотащились до порта.

Немедленно заработал морской подъемный кран, и судно приподняли; с раннего утра приступили к исправлениям. Проба 2-го истребителя кончилась пожаром, участники пробы чуть не затонули в самом порту.

В то время, как заканчивался ремонт истребителя (2-го истребителя так и не удалось закончить)—в Новороссийск неожиданно прибыл большой турецкий транспорт „Шахин" с турецкой командой и 2 турецкими канонерками. Поговаривали о том, что прибыли они из Турции от Кемаля-Паши в подарок Советскому Правительству.

Тов. Косого вызывали в Реввоенсовет 9-й Кубанской Армии и предложили ему в случае, если он хорошо знает Крымское Южное побережье, взять на себя руководство по высадке крупного десанта в Крым. Выяснилось, что Реввоенсоветом 9-й Армии получено распоряжение о посылке крупного десанта в Крым, для чего предполагали использовать транспорт „Шахин". Тов. Косой не взял на себя руководство высадкой десанта, тогда был вызван т. Бабахан, хорошо ориентировавшийся в Крыму, благодаря своей прошлой партизанской работе.

Началась вербовка людей для десанта. Десант предполагался крупный, с большими запасами вооружения и амуниции. Навербованы на пароход были почти все бывшие красно-зеленые Кавказа, участвовавшие в партизанских отрядах под Геленджиком вместе с их командиром т. Маринцем, взявшим у белых Геленджик. Всего было набрано 1050 человек. Канонерок решено было не брать, благодаря слабости их хода (7—8 узлов в час.).

Всякое движение в порту было приостановлено. Освещение в районе порта было запрещено. Проходить в порт и обратно запрещалось. Всюду стояли патрули. Пароль был „зеленый лес". Ночью началась посадка на „Шахин". Решено было, что „Шахин" будет сопровождать катер, на котором отправлялся Начальник десанта, впереди же должен итти истребитель.

Предполагали, что флотилия выйдет ночью в открытое море, весь день пробудет близ Новороссийских берегов, а к вечеру приблизится к Капсихорскому берегу, где и должна была произойти высадка.

Посадка закончилась. Общее руководство всем отрядом было возложено на Маринца, а политкомом был назначен тов. Томский. Было решено РВС 9-й Армии и согласовано с РВС Республики, что с момента вылазки и соединения с партизанскими частями Мокроусова, поручить члену партии, командующему красно-зеленой армией Кавказа тов. Маринцу образовать Реввоенсовет из Маринца, Томского, Мокроусова и представителя подпольного ОК партии. На истребитель поместились человек 50 с тов. Папаниным. Нагрузили судно оружием, амуницией. Пулеметы „Льюис", „Максим", 20 кожаных костюмов и 20—30 часов, с благодарственными надписями от Реввоенсовета, вез истребитель в подарок крымским партизанам. В запечатанной корзине везли романовские деньги, которые должны были послужить в работе по разложению белогвардейского тыла.

В 2 часа ночи снялись с якоря и вышли в море, несмотря на сильный норд-ост.

Всю ночь бушевал отчаянный шторм. Катер, шедший позади „Шахина", стал захлебываться. Началась пересадка с катера на транспорт. Все перебрались благополучно, за

исключением одного красноармейца, который неудачно прыгнул, попал между бортами и налетевшей волной был затерт. К утру транспорт вернулся обратно в порт. Истребитель же с Папаниным отправился к цели, достиг Южного берега, высадился и благополучно добрался со всем грузом к Мокроусову.

Через три дня получилось известие, что Перекоп пал, и Крым занят Красными войсками. Пароход „Шахин" был направлен на Керченский полуостров, но вторично вернулся, в виду сильнейшего шторма он не мог пристать к берегу.

Когда было получено сведение о взятии Джанкоя и Симферополя, десант был разгружен, а пароход „Шахин", погрузив оружие, амуницию и крымских подпольщиков, бывших в Новороссийске, двинулся снова под красным флагом в Черное море в направлении к крымским берегам.

П. Грудачев

Октябрьские дни в Феодосии[1]

В 1917 году я находился на военной службе в Черноморском флоте и служил на миноносце „Дерзкий". В Крыму в конце 1917 года было двоевластие—во всех городах, кроме Севастополя, власть принадлежала Крымско-татарскому Национальному Правительству, которое имело свой центр в Симферополе и опиралось на вооруженную силу, состоящую из кавалерийских национальных частей, во главе с реакционным русским офицерством. В Севастополе же власть принадлежала большевистскому Ревкому — органу революционных моряков черноморского флота и Севастопольских рабочих[2].

Все это имело место и у нас в Феодосии. В особенности зорко следили они за моряками, против которых были чрезвычайно враждебно настроены, что и мне чуть было не пришлось испытать на себе. Приехав в Феодосию в отпуск из Севастополя и не зная их отношения к матросам, я вышел в город в военно-флотской форме. Мне товарищи сейчас же передали, что я рискую быть убитым эскадронцами, если

[1] Говоря об „октябрьских" днях в Крыму, автор имеет в виду переход власти к Советам. В действительности переход этот произошел в Крыму не в октябре, как в центре России, а в первой половине января 1918 г., после столкновения войск Крымского Революционного штаба (контр-революционной организации, созданной для подавления революционных рабочих и моряков, требовавших установления власти Советов) с Севастопольскими моряками и захвата последними Симферополя 14 января 1918 года. Редакция.

[2] В конце 1917 г. власть в Крыму номинально принадлежала Губернскому Комиссару и бывшему при нем „Совету Народных Представителей". Упоминаемое же т. Грудачевым „Крымское Татарское Национальное Правительство" (Директория), созданное в декабре Крымско-Татарским Парламентом (Курултаем), являлось органом авто-

буду носить матроску, и советовали переодеться в штатское. Сперва я не придал этому значения и не поверил тому, что таковые факты уже были, но спустя некоторое время, когда стемнело и появились на улице эскадронцы, я заметил, что за мной следят два верховых эскадронца; пришлось поскорее скрыться.

Это было 29 декабря 1917 года.

На второй день своего приезда, выйдя вечером в город, я стал спрашивать у своих товарищей о существовании в Феодосии большевистской организации и узнал, что таковая имеется в рабочем поселке Сарыголь.

Один из товарищей сообщил, что в союзе портовых рабочих идет подпольное собрание членов большевистской организации совместно с портовыми рабочими, куда я и отправился. Придя по адресу, где должно было быть собрание, я никого не нашел, но ко мне подошел один из рабочих, знавший меня, повидимому, догадавшийся о цели моего прихода, и указал мне на дверь, ведущую в заднюю комнату.

На собрании присутствовало человек 20: т.т. Федько, Демьяненко, Карницкая, Констансова, Науменко, Довгул, Денисенко, Меркулов, Барсов, Горлов, Календинский, Лебедев, Клепчинов, Слободчиков и другие.

В момент моего прихода разбирался вопрос об аресте тов. Бодняка, который в то время сидел в тюрьме, присужденный местными властями на 1 год тюремного заключения. Из разговоров было видно, что тов. Бодняк, являясь председателем Союза булочников, был настроен большевистски

номного самоуправления крымских татар. Но так как „Совет Народных Представителей“ реальной силой не обладал, в распоряжении же „Директории“ и созданного при нем „Штаба Крымских войск“ находились эскадронцы Крымского Конного полка, то фактически власть находилась в руках „Курултайцев“. 19-го декабря 1917 года меньшевики и эсеры, руководившие „Советом Народных Предателей“ (как называли большевики „Совет Народных Представителей“) и боявшиеся большевистского восстания, заключили соглашение с „Директорией“ о том, чтобы Штаб Крымских войск объединил своим руководством не только татарские части, но и гарнизоны городов Крыма, т. е. передали на деле власть татарским националистам и русскому контр-революционному офицерству, руководившему „Штабом“. Штаб приступил к разоружению гарнизонов крымских городов (в большинстве настроенных большевистски).

Редакция

и вел среди своего союза агитацию против националистического правительства. Было решено во что бы то ни стало выручить его из тюрьмы, путем переговоров с властями, для чего на завтра назначить собрание портовых рабочих, на которое пригласить представителей власти, виновных в его аресте.

Второй вопрос был о вооруженном восстании с целью свержения власти Курултая в Крыму и разгона Городской Управы в Феодосии, во главе которой были меньшевики и эсеры. По вопросу о вооруженном восстании разногласий не было, решено было поднять вооруженное восстание в самое ближайшее время, при чем главное внимание заострили на вопросе—когда и как начать восстание, потому что мы в то время оружием не располагали, а из воинских частей на нашей стороне была только Крымская рота, находившаяся в казармах бывшего 2-го Виленского полка, сформированная из прибывающих с фронта солдат, которая также оружия не имела, т. к. ей не доверяли в виду большевистского настроения солдат.

В результате было решено созвать на 2 января (старого стиля) общий митинг во дворе штаба Виленского полка, куда пригласить все союзы с целью выявить отношение рабочих к захвату власти. Если рабочие будут за власть советов, решено было добиваться вооружения Крымской роты, после чего произвести вооруженное выступление; до созыва же митинга—вести подготовку по союзам, выделить кандидатов в совет, для того, чтобы город не остался без власти в момент восстания. Кроме того, по моему предложению было решено послать одного представителя от данного собрания в Севастополь с письмом, в котором просить военно-революционный комитет Севастополя о присылке военных моряков в г. Феодосию для оказания нам помощи в свержении власти Курултая. Таким представителем был выделен присутствовавший на собрании т. Денисенко Иван, который в тот же вечер уехал в Севастополь.

На следующий день, т. е. 31-го декабря 1917 г., было созвано собрание портовых рабочих. Когда собрались рабочие, я с т. Клепчиновым Иваном и еще одним из портовых рабочих пошли приглашать на данное собрание городского голову Бианки, который играл в то время

в Феодосии видную роль, а затем начмилиции Малашкина и нарсудью Николадзе, судившего т. Бодняка. Первых двоих привели на собрание, а третьего не нашли: он выехал в Старый Крым.

Я первый выступил на собрании, оправдывал т. Бодняка, доказывал неправильность его ареста и в ультимативной форме заявил Бианки и Малашкину, что если т. Бодняк не будет через час доставлен ими лично сюда в союз, дело примет серьезный оборот, и они могут поменяться ролями с т. Бодняком. На эту же тему выступали т.т. Клепчинов и Барсов.

Бианки и другие его „приятели", в роде меньшевика Ю. Лейкина, усердно и энергично доказывали нам неправильность наших требований, но наше заявление было единодушно поддержано общим собранием, не считаться с которым Бианки и Малашкин не могли. После неудачных попыток оправдать арест, они дали слово отпустить т. Бодняка, но им вторично было заявлено, что „не отпустить, а доставить его в союз, не позже как через час", после чего прямо с собрания Малашкин на автомобиле отправился за т. Бодняком в тюрьму, а Бианки остался на собрании. В результате не больше, как через час, т. Бодняк был доставлен в союз на автомобиле и был нами встречен аплодисментами.

Весь день 1-го января 1918 года, прошел в агитации по союзам за вооруженное восстание против власти Курултая и в выборах представителей от союзов в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

К восстанию подготовлены были наиболее сильные союзы портовых рабочих, союз строителей, железнодорожников, а также караульная рота и украинская воинская часть. Против нас были эскадронцы, но шансы были на нашей стороне, ибо эскадронцы своим поведением возбудили против себя рабочую массу и толкали их на выступление против себя.

День 2-е января 1918 года явился для Феодосии роковым. В этот исторический день был назначен общий городской митинг во дворе штаба Виленского полка, с целью, на случай восстания, сразу захватить находящийся при штабе оружейный арсенал.

Рабочие, не сознавая, что эскадронцы являются прямыми и ярыми защитниками власти буржуазии, решили путем переговоров с ними, прийти к соглашению в смысле ликвидации враждебных отношений друг к другу и с этой целью пригласили к себе представителей на обще-городской митинг, который должен был состояться часов в 12 дня. Часам к 11 дня во двор штаба Виленского полка начали стекаться рабочие и молодежь, настроение у них было приподнятое, они знали, что на этом митинге должен решаться вопрос о власти.

Но разрешить вопрос о власти на митинге не удалось, т. к. представители эскадронцев от соглашения отказались и ушли с митинга.

Во время шумного обсуждения вопроса о вооружении Крымской роты ясно было, что мирным путем притти к соглашению не удастся, т. к. офицерство, стоящее во главе этой роты и защищавшее интересы меньшевистской городской управы, выступало против вооружения роты на том основании, что рота должна быть в скором времени отправлена в Симферополь. Категорическое требование вооружения со стороны самой роты и представителей большевистской организации дали понять реакционному офицерству, что этот вопрос может привести к восстанию рабочих, а также самой роты. Предвидя этот исход, адъютант штаба сообщил по телефону эскадронцам, чтобы те явились в спешном порядке и разогнали митинг.

Слышавшие разговор адъютанта по телефону, сочувствовавшие нам солдаты, сейчас же сообщили об этом мне и другим товарищам. Это и послужило толчком к выступлению:

Тов. Федько крикнул: „Товарищи, в арсенал за оружием!". Все бывшие на митинге бросились к оружейным складам, сбили замки с дверей и начали разбирать винтовки, патроны и выбегать во двор. Прибывшие к тому времени эскадронцы, окружили штаб со всех сторон и человек 20 из них ворвались во двор, но были встречены нашим залпом, в результате которого один из эскадронцев был убит и несколько ранено. С нашей стороны тут же у ворот был убит портовый рабочий т. Пименев, который, препятствуя въезду во двор эскадронцев, схватил за повод лошадь одного из них.

Завязалась перестрелка, при чем силы наши пополнялись выбегавшими из арсенала с винтовками в руках товарищами. Видя, что с нами не справиться, эскадронцы выехали со двора и, присоединившись к своей сотне, окружавшей весь штаб, начали обстреливать со всех сторон, не давая возможности никому выскочить со двора или появиться в окнах штаба, куда наши вооруженные товарищи пробирались с целью обстрела эскадронцев.

Когда винтовки были разобраны и почти все рабочие вооружились, мы, почуствовав за собой силу, решили перейти в наступление. Группа человек в 50, сгруппировавшихся возле ворот, бросились с криком „ура" на улицу, на ходу стреляя по эскадронцам. За этой группой начали выбегать со двора и другие, перестрелка усилилась, экадронцы, теснимые нами, начали беспорядочное отступление в разные стороны, пытались укрепиться по углам улиц, но остановить нашего наступления не могли.

И только подойдя к Галерейной улице, нам пришлось немного задержаться, в виду того, что засевшие в городской купальне и на почте эскадронцы усиленно обстреливали местность, которую нам необходимо было перейти. Когда нас собралось достаточное количество, часть повела наступление на городскую купальню, а другая часть бросилась на эскадронцев, защищавших почту. Под нашим напором эскадронцы, находившиеся на почте, бросили оружие и попрятались во двор, но были нами найдены и отправлены в милицию.

В результате боя эскадронцы были вытеснены за город, заняв там удобные позиции, они остановили наше дальнейшее наступление.

Наша цепь правым флангом доходила до моря, левым до дачи Голицына. На флангах у нас были установлены пулеметы, из которых один стоял на даче Голицына, а второй на даче Суворина, частичная перестрелка продолжалась до вечера, на ночь обе стороны остались на своих старых позициях.

Нашей вооруженной силой вначале никто не руководил, да и невозможно было, потому что бои велись по улицам группами, но когда выгнали эскадронцев за город и установился фронт, я принял на себя командование образовавшимся отрядом Красной Гвардии.

К вечеру 2-го января в городе были организованы и приступили к работе Военно-революционный Комитет и Штаб Красной Гвардии. В штабе Красной Гвардии были т.т. Федько, Демьяненко, Бодняк, Барсов, Грудачев. В Военно-революционном комитете были представители от союза строителей, т.т. Жулев Я. И., Филиппов В. М., Грязнов Г., Севрюгин Д., Хохлов П., Уличев М., от союза портовых рабочих: Клепчинов, от партии меньшевиков и с. р. в Военно-революционный комитет влились самозванцами: Бианки, Яхнис, Лейкин Ю., Малашкин, Кефчиянц, Болквадзе, Констанцев, Свет и др., получившие в Военно-революционном Комитете большинство. Произошло это в виду того, что переворот произошел для большинства профсоюзов неожиданно, последние были неподготовлены, не успели выделить от себя представителей в Военно-революционный Комитет для работы, а если некоторые даже и прислали своих представителей в Военно-революционный Комитет, то они находились под влиянием легально работавших меньшевиков и в работе Военно-Революционного Комитета также пошли за ними. Меньшевики, воспользовавшись этим, постарались взять инициативу в В. Р. К. в свои руки, с целью направить движение в соглашательское русло.

Представители большевиков в В. Р. К. составляли незначительное меньшинство.

Меньшевики в В. Р. К. сразу повели свою соглашательскую политику и настаивали на возвращении в город эскадронцев, дабы, как они говорили, избежать кровопролития. Обойдя дипломатически рабочих представителей, меньшевики выслали делегацию для переговоров с эскадронцами с целью добиться соглашения и ввести их обратно в город. В то же время создавшийся из большевиков и руководящий восставшими штаб Красной Гвардии занялся вербовкой и вооружением рабочих для пополнения отряда Красной Гвардии, который в это время за городом вел бой с экадронцами. Штаб Красной Гвардии также принял на себя охрану города и борьбу с бандитизмом.

Первая ночь на фронте за исключением нескольких пулеметных выстрелов с нашей стороны прошла спокойно. Утром на другой день противник на левом фланге пытался подойти к нам незаметно, но был отбит пулеметным огнем.

На следующий день мы несколько раз переходили в наступление на эскадронцев, но каждый раз принуждены были отходить обратно под их усиленным обстрелом. Между тем пронесся слух, что эскадронцы ждут из Симферополя и Джанкоя себе подкреплений, что было весьма вероятно, потому что в то время по всем городам Крыма было еще спокойно, и казалось вполне естественным, что Крымское правительство пошлет им подкрепление из Симферополя или Джанкоя. Эти слухи дезорганизующе отразились на отряде Красной Гвардии. Многие уходили с позиции под предлогом обедать домой, несмотря на то, что обед и ужин доставлялись на позицию. Как я уже упоминал выше, еще 31-го декабря нами был послан в Севастополь представитель за отрядом моряков, поэтому мы все время посматривали на море, откуда должна была появиться нам помощь, но помощи в этот день мы не дождались, и это еще более подорвало нашу веру в победу. Если бы противник повел на нас в то время наступление, то весьма возможно, что мы бы его не удержали, ибо нас на позиции оставалось с каждым часом все меньше и меньше, но и противник тоже не решался наступать до подхода к себе подкрепления.

Желая узнать, что делается в городе, я отправился в Военревком. В одной из комнат Ревкома я увидел заседание, на котором большинство составляли меньшевики. Увидя, что меньшевики заседают совместно с представителями от союзов, я, обращаясь к меньшевикам, спросил: „Кто вас просил решать наши вопросы и нашу судьбу?“. Вождь феодосийских меньшевиков Лейкин ответил мне: „Успокойся, тов. Грудачёв, мы посланы в Ревком нашей организацией для совместной работы, ведь нельзя же в такой момент оставить город без власти“. Но я не дал ему дальше говорить и предложил меньшевикам немедленно уйти с заседания и не мешать членам Ревкома, посланным от союза, работать. Меньшевики тотчас же ушли.

После их ухода я узнал, что на данном заседании был решен вопрос о посылке делегаций к эскадронцам для мирных переговоров, вопрос же о власти постановлено было разрешить путем переговоров с эскадронцами. Кроме того, я узнал, что одна делегация уже была выслана в составе 3-х человек, в которую входили меньшевики—доктор Яхнис,

рабочий завода Якорной бухты Иванов, третьим в качестве переводчика был послан местный житель татарин Сулейман Османов. Делегация эта на автомобиле поехала к эскадронцам.

На предложение делегации войти в город командир эскадронцев ответил, что прежде чем войти в город, он должен запросить свое командование в Симферополе об условиях входа в город. Делегация вернулась обратно. Была приготовлена вторая делегация, которая должна была выехать на переговоры к эскадронцам, стоявшим по Старо-Крымскому шоссе, но не выехала, в виду ухода меньшевиков из Ревкома.

В один из дней, относящихся к этому периоду, часа в 2 ночи, меня вызвал к телефону председатель жел. дорожного Комитета ст. Сарыголь, т. Головин, и передал, что со ст. Джанкой просят подать один паровоз под эшелон, в котором отряд моряков из Севастополя направляется в Феодосию, для помощи Красной Гвардии и просил моего разрешения на отправку в Джанкой паровоза. Я отправить паровоз не разрешил, т. к. знал, что паровоз нужен не под эшелон с моряками, а под эшелон с эскадронцами, ибо было понятно, что моряки не могли появиться в Джанкое через одни сутки после нашего восстания, т. к. им нужно было проезжать Симферополь, где в то время власть находилась в руках Крымского Татарского Правительства, которое о восстании в г. Феодосии уже знало и, конечно, без боя моряков через Симферополь не пропустило бы. Зная, что эскадронцы хотят обманным путем вызвать паровоз, я предупредил тов. Головина об этом и просил его, если из Джанкоя еще раз будут просить паровоз, вызвать меня немедленно к телефону.

Через три часа меня вторично вызвали к телефону со ст. Сарыголь и передали, что эшелон из Джанкоя отправился в Феодосию, несмотря на то, что отсюда ему путевку не дали. После получения этого сообщения, я в сопровождении одного вооруженного красногвардейца отправился на ст. Сарыголь. Приехав туда, я немедленно вызвал по телефону начальника ст. Джанкой и спросил, с кем отправился эшелон в Феодосию. Мне ответили, что с моряками, и сейчас же прервали со мной разговор. Было вполне понятно, что движутся на Феодосию не моряки, а эскадронцы.

Чтобы не допустить эскадронцев до г. Феодосии, я потребовал от начальника ст. Сарыголь в самом срочном по-

рядке предоставить в мое распоряжение находящиеся на станции под парами паровоз и вагон с железнодорожными инструментами. Я думал набрать с собой людей, поехать по направлению к Джанкою и на одном из перегонов разобрать путь. началась беготня по станции. Маневровый паровоз, который начальник станции отдал распоряжение подать с вагонами, стоял на задних путях, там же находились и инструментальные вагоны, для подачи каковых требовалось довольно долгое время, т. к. нужно было делать маневры. А в это время мне передали, что эшелон безостановочно прошел ст. Колай и подходит уже к ст. Сейтлер. Каждая минута была дорога. Узнав, что в депо стоит пассажирский паровоз, приготовленный под пассажирский поезд, я потребовал этот паровоз. Начальник станции, отговариваясь, не хотел давать и хотя после моей угрозы, паровоз с вагонами был подан, на все это ушло около часу времени.

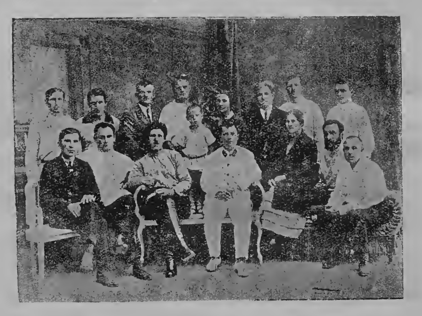
Было очень рано, рассвет только начинался и на ст. Сарыголь кроме обслуживающего ее дежурного персонала никого не было. В конце концов нашлось человек 5—6, желающих ехать, с которыми я и отправился навстречу эшелону.

Шансов на разборку пути силами 5—6 человек было мало, но я думал, что если не удастся разобрать путь, то есть другой способ остановки эскадронцев—это пустить навстречу им паровоз и тем самым вызвать столкновение, задержать дальнейшее их продвижение на Феодосию.

Находясь на паровозе при машинисте, я то и дело просил, чтобы он давал больше ходу, чтобы как можно дальше от города задержать эскадронцев, ибо от этого зависел исход восстания. С одной стороны, я жалел, что не предупредил Штаб Красной Гвардии, а с другой стороны, во избежание паники в городе мне казалось лучше, что мало кто знал о моей поездке.

Приехав на ст. Владиславовка, я увидел на перроне станции до сотни крестьян с железнодорожными инструментами в руках, готовившихся разбирать пути на входной и выходной стрелках с целью не пропускать эскадронцев в город. Мы очень обрадовались, увидев, что теперь шансы на разборку пути у нас полные. Остановившись против вокзала и объяснив, что мы также едем разбирать путь, я предложил крестьянам, из которых большинство была молодежь, ехать

с нами. Крестьяне лавой бросились в вагоны и даже не хватало для всех места, в то время, когда на ст. Сарыголь мне приходилось чуть ли не силой оружия заставлять ехать с нами. С трудом разместившись в двух вагонах, мы отправились дальше и когда подъехали к ст. Ислам-Терек, эшелон с эскадронцами со стороны Джанкоя также подходил к этой станции. Нужно было видеть, с каким подъемом и энергией пошла работа по разборке пути. Никто не стоял без

Группа револ. работников г. Феодосии периода 1918 г.

1. Гнедыш А. М., 2. Синопли Г., 3. Грудачев П. А., 4. Филиппов, 5. Карницкая Е., 6. Карга С., 7. Новиков П. М., 8. Добрицкий М., 9. Разумный М. 10. Краснобаев, 11. Мартынов, 12. Ольшевская, 13. Федосеев, 14. Москвин А. 15. Тараненко И.

дела. Решено было отвинтить пять звеньев рельс и взять их с собой. Кому не было места работать над этими пятью звеньями, развинчивали другие, вынимали костыли и болты и клали их в вагон или отбрасывали в сторону. В течение нескольких минут пять звеньев было снято и погружено в вагон.

Эскадронцы остановились на ст. Ислам-Терек и, увидев нас, решили узнать, в чем дело, отцепили свой паровоз и направились к нам. Но мы сели в вагоны и отправились обратно, увозя с собой рельсы.

Оставив крестьян на ст. Владиславовка, я возвратился в город. Нашим маневром мы остановили быстрое продвижение эскадронцев в город, ибо им пришлось выгружаться на ст. Ислам-Терек и пешим порядком двигаться на город.

На третий день восстания 4-го января в Феодосию пришел миноносец „Пронзительный", с отрядом моряков под командой тов. Мокроусова. Миноносец пришел часов в 10 вечера, а на другой день рано утром отряд моряков во главе с т. Мокроусовым прибыл к нам на позицию. С их помощью мы пошли в наступление на противника и заставили его отступить частью на Джанкой, частью на Симферополь.

Отогнав эскадронцев, штаб Красной Гвардии во главе с т. Федько занялся формированием и вооружением отряда Красной Гвардии. В Феодосии была установлена советская власть.

Вскоре отряд Красной Гвардии был переведен на казарменное положение. Я был введен, как представитель от Штаба Красной Гвардии в Президиум Военно-Революционного Комитета. Связи ни с Москвой и Петроградом, ни с Симферополем мы не имели, так как в Симферополе в то время власть еще находилась в руках Курултая.

13 января, когда в Феодосии власть закрепилась за нами и отряд Красной Гвардии был пополнен свежими силами, вооружен и обмундирован, Военно-Революционный Комитет совместно со Штабом Красной Гвардии решил произвести переворот в г. Джанкое.

С этой целью Феодосийский отряд Красной гвардии погрузился в вагоны и 14-го утром отправился в Джанкой. Подъехав к Джанкою, мы рассыпались в цепь и повели наступление на город. Никто нашего появления в Джанкое не ожидал, эскадронцы нами были захвачены врасплох, и мы задерживали их, кого в кофейне, кого на базаре.

Совершив переворот в Джанкое, мы на этом не остановились. Бить, так бить до конца и, погрузившись в вагоны, направились в Симферополь с целью свергнуть власть Курултая. Но, доехав до ст. Сарабуз, мы узнали, что власть в Симферополе перешла уже в руки Военно-Революционного Комитета[1]. В довершение происходившего под Симферополем

[1] Военно-Революц. Комитет в Симферополе был организован еще 10-го января, когда большевистская подпольная организация Симферо-

боя между Севастопольскими моряками и эскадронцами, нам пришлось в районе ст. Сарабуз, Курман-Кемельчи и Биюк-Онлар ликвидировать остатки отступающих от Симферополя эскадронцев, ловя их по несколько человек и по одиночке, в чем нам усердно помогали окрестные крестьяне.

Закончив свое дело, отряд Феодосийской Красной Гвардии возвратился обратно в Феодосию[1].

поля готовилась к восстанию. Эскадронцы пытались перейти в наступление на большевистский Севастополь и напали на отряд, охранявший Камышловский мост. Моряки же и рабочие Севастополя перешли в свою очередь в наступление и 12 января заняли Сюрень. 13-го в Симферополе вспыхнула забастовка, подготовленная Ревкомом, а 14-го Симферополь был занят севастопольцами.

[1] Вслед за Феодосией, Джанкоем и Симферополем с помощью Севастопольских моряков и в др. городах Крыма была установлена Советская власть, но просуществовала она недолго. В последних числах апреля Крым был оккупирован германцами.

Редакция

Л. И. Ремпель

Очаги революционного подполья в гор. Симферополе (1919—1920 гг.)

Семнадцать месяцев последнего подполья в Крыму представляют собой почти самостоятельную эпоху в истории развития Крымского Революционного движения последних лет.

Семнадцать месяцев борьбы, частичных побед и поражений являются одним из наиболее памятных и ярких периодов в истории борьбы и существования Крымских большевистских организаций.

Присматриваясь к очагам революционного подполья данного периода, оценивая роль, которую играли они в жизни Крымского подполья, мы должны будем остановиться на следующих основных и преобладающих формах:

1. Явки—явочные квартиры
2. Конспиративки
3. Склады оружия
4. Типографии
5. Паспортный стол
6. Красный Крест
7. Лазарет
8. Архивы

Явки

Явка являлась одной из наиболее распространенных форм подполья, одним из его наиболее чувствительных нервов. Явки или явочные квартиры, связывали отдельные подпольные организации, разбросанные по городам, а также отдельных товарищей разрозненных условиями конспирации.

Роль явок играли в Симферополе общественные места (кофейни, трактиры) или же мастерские, будки, лавки и т.д.

Хозяином помещения являлся обычно „сочувствующий“ или же „свой“ человек, хотя часто хозяин и не подозревал даже об использовании кем-нибудь его помещения в конспиративных целях.

Особенно большую роль играли явки для связи организаций разных городов.

Приезжий подпольщик, имея адрес какой-либо явки, направлялся туда, сообщал условный пароль и получал адрес разыскиваемого лица или конспиративной квартиры.

Из различных явок среди Симферопольских очагов 1919—1920 г. прежде всего обращает на себя внимание явка по Фонтанной, 30, в кв. Хейфеца, где помещалась столовка. Здесь встречались подпольщики и снабжались чужими и фальшивыми документами „проваленные".

Подобный же пример помещения явки в столовке мы имеем и на Малобазарной, 16. Назовем ряд других явочных помещений подобного характера: по Севастопольской, угол Кладбищенской, явка помещалась в угловой будочке съестных припасов. По Дворянской, № 2 явка существовала в меховой мастерской Штейнера, здесь встречались активные участники подполья—Лев Просмушкин и Фоля Курган. По Екатерининской ул. явка находилась в бывш. магазине Майданского, под зданием нынешнего Швейпрома. По Турецкой и Кантарной—в мастерской лудильщика.

Существовали явки и на квартирах, например, по Греческой 4, в кв. Канторовича, по Мечетной, 10, кв. Геллера.

Рабочий клуб по Севастопольской улице являлся местом сборища всех почти членов организации. Здесь устраивались специальные дежурства для связи с прибывающими (дежурили: Буня Рейзнер, Шацкий, Моисей Горелик, Москалев, Гутшабес и друг.).

Явкой для членов Областного Комитета и членов Симферопольского Горкома служила квартира Кати Григорович и Тони Федоровой по Литовской улице, д. № 3. Здесь неоднократно происходили заседания Областного Комитета и Областного Ревкома. Товарищи, часто посещавшие эту явку, называли ее „Штаб-квартирой", принадлежала она Алексею Поволоцкому—члену Николаевской организации, впоследствии оказавшемуся предателем.

Конспиративки

Нередко явочные квартиры являлись вместе с тем и конспиративными квартирами, где „провалившиеся" или же просто подпольщики, остерегавшиеся пытливых глаз контрразведки, „отсиживались" или прятались от преследований.

Особенно хорошо работали конспиративки в Симферополе в первые месяцы 1920 г., когда широко развернулась

деятельность революционных организаций. Характерно отметить, что в Симферополе, как и в других городах наибольшая густота явочно-конспиративных очагов пришлась на ремесленно-рабочую, южную (лежащую к югу от продолжения Феодосийской, Салгирной и Севастопольской улиц) часть города, т. е. на узкие переулки, где осиными гнездами лепятся друг к другу сотни одноэтажных домов, из которых многие имеют сквозные проходы на две улицы.

Незнакомому с этой частью города, спресованной, спутанной десятками саженных переулочков, довольно трудно разобраться в этом лабиринте. Но, именно, эта особенность благоприятствовала распространению здесь революционных очагов.

Густо кишели конспиративками Мало-Базарная, Кантарная и Фонтанная улицы, из которых первая, на сравнительно небольшом протяжении насчитывает 7 конспиративок.

По Мало-Базарной, 7—в квартире Сегаля, здесь в разное время жили Бабахан и Литвин.

По Мало-Базарной, 10—явочно-конспиративная квартира, в разное время жили Фоля Курган и Бабахан.

По Мало-Базарной, 12—находился сборный пункт комсомольцев, получавших прокламации для расклейки по городу.

По Мало-Базарной, 16—помещалась явочная столовка.

По Мало-Базарной, 34—конспиративка Наума и Фоли Кургана.

По Мало-Базарной, 36—конспиративки—здесь также проживал одно время „Наум".

По Мало-Базарной, 40—явочно-конспиративная квартира члена подпольной организации т. Шейкина, повешенного в мае 1920 г.

Очень характерной для южной ремесленной части города является конспиративка комсомольцев в Глухом переулке, д. № 12 - одно название которого говорит нам, в каком заброшенном, отдаленном месте находилась квартира. Эта же конспиративка являлась местом собраний комсомольской ячейки торговых служащих. На ней жил активный работник комсомольского подполья Володарский.

Недалеко от нее—по Кантарной, 31, уг. Кади-Эскерской, находилась другая комсомольская конспиративка (место некоторых заседаний Горкома в период 1919/20 гг.).

По той же Кантарной улице в доме № 17 находилась явочно-конспиративная квартира активного участника Крымского подполья Зиновьева, расстрелянного в апреле 1920 г.

По Госпитальной, № 5 (уг. Фельдшерского переулка, д. № 1) жил Зиновьев, на квартире у которого встречались члены Областного Комитета. Выше в конспиративке по Госпитальной, 15-а в период боевой работы комсомола происходили собрания боевых пятерок. Конспиративка существовала вплоть до провала организации провокатором Ахтырским.

По той же Госпитальной ул., кв. д. № 38 находилась конспиративка также связанная с именем тов. Зиновьева.

Во время провала на Собачьей Балке, облавы и ареста всего Гор. К-та, Зиновьеву, отстреливаясь, удалось скрыться. Раненый Зиновьев ночевал на конспиративке по Госпитальной, 38, а утром 27 апреля направился на линейке с Лозинским, Зусмановичем и еще 2-мя товарищами в Алушту, по дороге к которой и был пойман контр-разведкой (по провокации Ахтырского, знавшего местонахождение Зиновьева). На этой же конспиративке жил одно время и Бабахан—секретарь Областного Комитета партии, впоследствии командующий Красно-Зеленой Повстанческой Советской Армией.

Проживал тов. Бабахан и на Госпитальной ул., д. № 19, кв. 7 во дворе на конспиративке Григорьева, там же происходили заседания боевых КСМ'ских пятерок.

По Фонтанной, 40 (уг. Карасубазарской) в 1919 г. и первые месяцы 1920 г. существовала конспиративка портного Ривкина, вплоть до его ареста. Здесь же был арестован тов. „Моисей" (Борис Горелик), казненный в апреле 1920 г. Жила на этой квартире одно время и Шполянская Фаня, расстрелянная в апреле 1920 г. в Симферополе. В начале 1920 г. здесь происходили заседания ОК партии и Укома. Рядом с ней также происходили некоторые заседания Обкома по Фонтанной улице, № 38 в конспиративке Исаака Спера. Выше, по той же улице, в доме № 60 т. Арик содержал комсомольскую конспиративку.

По Чиновничьему переулку, в д. № 17 находилась конспиративка Кели Мацевой, а по Мечетной, 18—явочно-конспиративная квартира Гутмановича.

По Каябашному переулку, в д. № 10 в конспиративной квартире Меламед жил больной тифом секретарь ОК т. Бабахан, там же при нем жила и т. Женя Жигалина, прикомандированная к больному Областным Комитетом.

Одна конспиративка помещалась даже на Еврейском кладбище у сторожа Рапкина, где собирались подпольщики и „отсиживалась“ Эмма Кубанцева.

В северной части Симферополя конспиративок немного. Почти все они в этой части города разбросаны по Пушкинской, Екатерининской и прилегающим к ним параллельным улицам.

По Пушкинской улице, в центре города, во дворе д. № 3 (ныне Коммунхоз) помещалась в конце 1919 года

Гражданские похороны жертв белого террора (апрельского провала, процесса 9-ти и проч.) в б. Семинарском саду, (снято в ноябре 1920 г.).

интересная конспиративка одного из организаторов симферопольского комсомольского подполья — Белкина-Шацкого. В последние месяцы 1919 года на конспиративке у т. Белкина происходили некоторые организационные собрания Комсомола, а позже в начале 1920 года в период развития боевой работы КСМ помещался штаб боевых комсомольских пятерок.

Некоторый интерес представляет собой здание против Феодосийского моста (в сторону Горсада). Еще в 1905 году в день „октябрьских свобод“ из него отстреливалась самооборона от осаждавших ее погромщиков (17 октября 1905 г.)., а в 1920 году в этом здании велись занятия кружков

комсомольских ячеек. Несколькими домами выше, по той же Салгирной улице, в д. № 10—Бермана, находилась другая комсомольская конспиративка членов ОК МОЛ'а, служившая для ячейковых собраний.

По направлению к вокзалу в прилегающих к Екатерининской улице местах и в привокзальном районе были разбросаны следующие конспиративки:

По Александро-Невской, дом № 12 — квартира Раи Орловой[1].

По Екатерининской, 26, уг. Губернской—конспиративка тов. Старосельского — члена боевой комсомольской дружины (казнен в мае 1920 года).

По улице Толстого, 9—конспиративка, служившая для связи Симферопольского Горкома с подрывниками и курьерами Альминского партизанского отряда. Квартира принадлежала Григорович и Федоровой до февраля 1920 года. После чего была передана Резницкой и Хуторянской и использовалась для ночевок проваленных товарищей и хранения нелегальных документов и патронов.

По Жуковской ул., в д. № 34 в квартире т. Бабахана и т. Григорович хранились нелегальные документы (февраль—март 1920 г.).

По Литовской улице, № 3 на 2 этаже—конспиративка т.т. Федоровой и Григорович; место некоторых заседаний Областного Комитета партии, Ревкома, здесь же помещалась лесная явка для т. Шкурина—Начальника Партизанского Альминского отряда.

По Казанской, 7, кв. Кремпель (во дворе) конспиративка тов. „Фени" Кремпель и Юрия Дражинского, казненного в 1920 г. в Севастополе на крейсере—„Корнилов".

В железнодорожном районе

По Проезжей ул. находилась конспиративка подрывников, она же одновременно служила и явочной квартирой партизан из Альминского отряда. Квартира эта принадлежала „Надежде" (жена Петра Шкурина—Начальника Альминского партизанского отряда).

[1] Член Симферопольской подпольной организации, сидевшая в Симферопольской тюрьме вместе с Ф. Шполянской, Ж. Жигалиной и другими товарищами, расстрелянными белыми.

В 1920 году произошел провал квартиры „Надежды“, во время которого был убит Петр Шкурин, а „Надежда“ арестована.

По Луговой, 25—конспиративка Эммы Кубанцевой, где хранились все принадлежности паспортного стола.

По Луговой, 12, в квартире С. А. Тимофеева конспиративка „Сержа“ адъютанта губернатора, впоследствии выданного Акимом контр-разведке, где „Серж“ и застрелился.

По Тургеневской ул. в квартире типографской работницы скрывался Зиновьев (в первых числах апреля), здесь же жил и погибший впоследствии Александр Ольнер, сюда же была привезена раненая Григорович Катя (после Коктебельского съезда в конце апреля 1920 года).

Настоящим списком конспиративных квартир и исчерпываются почти все наиболее интересные конспиративки 1919/1920 гг. северной части города.

Очаги северной части города имеют в себе некоторые характерные черты, сущность которых необходимо отметить. Прежде всего северная, наиболее „европейская“ часть города, значительно уступает южной как по количеству конспиративок вообще, так и по густоте их расположения. В то время, как центром Южной части города является наиболее густо населенный и переполненный многочисленными переулочками район Мало-Базарной улицы, Госпитальной, Мечетной и др., вокруг которых в беспорядке разбросаны отдельные конспиративные квартиры (начиная с нового города, слободкой и кончая кладбищем), в северной части города такой концентрации мы не замечаем.

Далее южная часть города наиболее густо населена беднотой, ремесленниками и рабочими, здесь среди маленьких кварталов легче всего удавалось найти помещения под конспиративки и удобнее всего устраивать явки среди разбросанных домиков и узких кривых переулков, легче всего запутать слежку шпика, обмануть его, уходя сквозь проломы в заборах и проходы с одной улицы на другую.

Совсем другое положение имеем мы в северной части, где в строгой распланировке стоят дачи, обнесенные высокими стенами или решеткой, охраняемые цепной собакой, заселены они были, главным образом, бежавшей от Советской власти буржуазией, поэтому здесь труднее всего было

устроить конспиративку или явочную квартиру. По пустынным и прямым, как стрела улицам, труднее было укрыться от слежки и преследования шпиков.

Вот почему больше была насыщена явочными и конспиративными квартирами южная часть города или, так называемый, старый город.

Несколько иначе обстояло дело с конспиративками боевого назначения. Поскольку подрывная работа организации сосредоточивалась исключительно на железной дороге, то естественно и конспиративки, в которых помещались орудия подрывной работы (динамит, аккумуляторы и т. д.) находились, главным образом, в железнодорожном районе, несмотря на то, что часть подрывников жила в других районах города. Взрывчатые вещества подрывной группы находились в конспиративке железнодорожников, помещавшейся на северной части города, недалеко от вокзала, частью у „Надежды" (жена Петра Шкурина), жены Яши Черного и у Миши Савельева. Таким образом, конспиративки, имевшие непосредственное отношение к боевой работе, сосредоточивались в северной части города, а квартиры конспиративного назначения в южной.

Склады оружия

Поскольку нами уже затронут вопрос о боевой работе, необходимо несколько остановиться на „складах", вернее местах хранения оружия и взрывчатых веществ подпольной организации. Естественно, что в большинстве случаев содержателями таких мест хранений являлись сами члены террористических и подрывных групп. Взрывчатые вещества, бикфордовы шнуры и оружие приобретались через солдат добровольческих войск или же скупались под полой. Хранили вещества закопанными в банках, жестяных коробках, горшках, а также на чердаках и в подвалах. Из видных мест хранения взрывчатых веществ следует отметить конспиративку подрывников в железнодорожном районе в квартире „Надежды" (жены Шкурина), а также в квартире Веры Черной—Проезжая, 17. Здесь же в сарае среди дров хранились взрывчатые вещества подрывников, листовки и другая нелегальщина.

Существовал „склад“ оружия и на квартире у подрывника Лозинского по ул. К. Либкнехта, 19, где хранились аккумуляторы для взрывов.

Провалилась эта конспиративка в мае месяце 1920 года, когда был арестован Лозинский. Последний был казнен совместно с Грановским, Разумовой, Крыловым, Просмушкиным, Хмельницким, Никитовым, Тимофеевым, Иваненко и Богдановым.

Другая крупная конспиративка-склад помещалась по Пушкинской ул. в узкой комнатушке с одним выходящим на Пушкинскую улицу окном, где ныне помещается игрушечный ларек (дом Инвалидов). Хранились на ней взрывчатые вещества и оружие. Интересно, что в одном здании с конспиративкой помещалась и белогвардейская контр-разведка, вход в которую был с Екатерининской улицы. Сейчас, когда мы в свете новых данных о подпольи вспоминаем и разбираем историю этого „склада“, нам многое становится понятным. Контр-разведчики знали о ее существовании, но не трогали, так как содержателем ее являлся никто иной, как крупнейший провокатор Крымского подполья Аким Ахтырский.

Здесь корень недоброкачественности взрывчатых веществ этого склада.

Сейчас с достоверностью можно сказать, что почти все боевые задания, в разное время поручаемые Ахтырскому, были им деморализованы, в частности, это относится и к данной конспиративке. Ни одного удачного террористического акта, взрыва материалами этого склада сделано ня было.

Когда по заданию Парткома был подготовлен взрыв Врангелевского поезда в районе Севастополя, несмотря на всю тщательность проложенной зарядки, взрыва после замыкания тока все-таки не последовало.

Имела организация склад и по Севастопольской ул., № 2, в бывш. Рабочем Клубе, почти явном „гнезде политических неблагонадежных элементов“, где на чердаке здания хранилось одно время несколько десятков огнестрельного оружия. Кроме перечисленных складов конспиративок, часть подрывных материалов хранилась и в некоторых квартирах анархистов (например, на ул. Толстого в мастерской Лизогуба)

Кроме того, часть взрывчатых веществ хранилась одно время и на Екатерининской ул. в б. шапочном магазине Майданского (под Швейпромом), где тов. Просмушкин Лев держал пироксилин, пулеметные ленты.

Пряталось оружие и по Екатерининской ул. на углу Офицерского (Февральского) переулка, где в расщелинах стены сарая хранились конспиративные документы.

Типографии

Ни типографии, как таковой, ни гектографа, ни „американки“ с первых до последних дней подполья в местной организации не было, нужда же в печатной агитации остро ощущалась ежедневно. Но, несмотря на отсутствие собственных печатных средств, местная организация выпускала большое количество агитационной литературы (в подавляющем большинстве прокламации) и снабжала ею ряд городов (Феодосия, Керчь). Подпольный комитет установил тесную связь с рабочими типографии „Рекорд“ по Екатерининской ул., № 6, которые нелегальным путем отпечатывали там партийные заказы [1]. Бывали также случаи применения способа „революционного“ захвата типографии. Однажды 5 боевиков организации—Городницкий, Оскар, Григорьев, Зиновьев и Васильев захватили типографию „Труд“ по Екатерининской ул., № 3, заперлись в ней, вывесили объявление, что по случаю смерти отца-хозяина типография закрыта. Хозяина арестовали и при помощи рабочих отпечатали в несколько часов тысячи прокламаций.

Архивы

Архив подпольной организации представлял собой склад всевозможных партийных изданий, запасных документов, бланков, штампов, дневников, партийных распоряжений, объявлений, мандатов и т. д. По типу своему архивы делились на чисто партийные архивы организации (Комитета Ревкома и т. д.) и архивы, близко примыкавшие к работе других органов партии (например, паспортного стола). Главный, т. е. партийный архив, в большинстве случаев концентрировался в одном месте, благодаря чему представлял собой

[1] Подробнее о них пишет Москалев, руководитель этой работы в сборнике „Революция в Крыму“ № 3.

нечто целое. Поэтому проследить все стадии его существования является для нас более доступным. Первым местонахождением архива мы считаем конспиративку по ул. Толстого, 9, ведал им тов. Исаак Спер. Через некоторое время архив был перевезен на конспиративку т. Гутшабеса в Большом переулке, 13. Ведали архивом первое время т. Спер, а после его ареста т.т. Гутшабес, Кубанцева Эмма и Москалев. Когда стало известно о предстоящем аресте Гутштабеса, т. Кубанцева перевезла архив к себе на Луговую вместе с паспортным столом, помещавшимся там же. У тов. Кубанцевой архив хранился закопанным в саду. Дальнейшая судьба его нами не выяснена, хотя по некоторым версиям можно предполагать, что он был передан т. Кубанцевой в лес, в Главштаб Повстанческо-Зеленой Советской Армии. В декабре же 1920 г. (после взятия Крыма Сов. войсками) архивы были переданы Командующим Повстанческой Армии т. Мокроусовым в штаб 4-й армии Югзапфронта. Среди других филиалов архива необходимо отметить сторожку Рапкина на еврейском кладбище, где хранились некоторые документы для паспортного стола, закопанные под камнем одной из могил.

Паспортный стол („прачечная“)

Паспортное дело,—т. е. изготовление фальшивых документов в подпольи в эпоху гражданской войны, приобретает особенное значение. Снабжение подпольщиков необходимыми документами брал на себя паспортный стол, организованный в Симферополе. Паспортный стол снабжал документами не только партийцев, но также и дезертиров, уклоняющихся от военной службы. С момента организации паспортного стола создалась возможность подделывать ордера и требования, благодаря которым удалось освобождать товарищей и из местной тюрьмы. Техника производства документов заключалась в следующем: путем установления связи с отдельными служащими белогвардейских учреждений, через своих служащих по заданию партии товарищей или через „сочуствующих“,— бесплатно или за определенную „мзду“, порой через контр-разведывательную пятерку организации, доставались бланки паспортов или же готовые паспорта. В бланк вписывалась нужная фамилия,—

подпись подделывалась, а печать умело набирал типографским способом работавший в типографии член организации Васьковский.

Если приходилось переделывать документ, то особым составом фамилия прописанного в документе тщательно смывалась и заменялась нужной (отсюда и название места смывания документов „прачечной“), — печать же и подпись оставлялись на месте. Для большей уверенности в том, что поддельность документа не будет замечена, документы местных органов выдавались, например, евпаторийским товарищам, документы евпаторийских органов симферопольским товарищам и т. д. Если необходимо было подделать „требование“ на допрос, то поступали таким же образом, только специально для этого доставали соответствующий бланк.

Организатором и руководителем паспортной работы в последнем подпольи в Симферополе являлся Исаак Спер (старый революционер и конспиратор, прекрасно знавший это дело, в прошлом типограф)[1].

Помещалась его „прачечная“ на Мало-Базарной ул., в д. Хейфеца, в глубине двора в низком домишке.

Работал Спер под видом портного. В дни, когда никого в квартире не было, Спер с товарищами переворачивали манекен и освобождали его внутренность, заполненную документами и орудиями производства, лишние документы складывали в глиняные горшки, относили в сарай, там и закапывали в землю. За время своего существования „прачечная“ успела выпустить несколько тысяч документов.

Готовые документы относили к брату Спера—Просмушкину, работавшему в шапочной мастерской в бывш. магазине Майданского (ныне маг. под Швейпромом).

Просмушкин по поручению Спера снабжал готовыми документами условных лиц.

Провалилась „прачечная“ досадно и глупо. По поручению Спера Просмушкин выдал пришедшему за документом какому-то дезертиру паспорт.

Дезертир же этот, как оказалось, бежал с прифронтовой полосы, похитив с собой казенные деньги. В Симферополе его задержали, обыскали и нашли фальшивые документы.

[1] Спер впоследствии был казнен белыми.

Перепуганный дезертир объяснил, где взял документ, указав на магазин Майданского. Разведка организации, узнав о происшедшем, поспешила предупредить Просмушкина, последний спешно упаковав документы в мешок, отнес их на конспиративку Аси Краковской, в Еврейский переулок, д. № 8[1].

От Краковской паспортный стол вскоре перевезли к Гутшабесу в Большой переулок, д. № 13, здесь он и работал до 1-го сентября 1920 года, т. е. до ареста провалившегося Гутшабеса.

Конспиративка Гутшабеса, расположенная в глухом месте, долгое время была скрыта от контр-разведки. Когда же

Кв. Гутшабеса.—Паспортный стол и явочная квартира для направлявшихся в лес к повстанцам.

стало известно о предстоящем аресте Гутштабеса, товарищи успели квартиру очистить, увезя оттуда архив Красного Креста и паспортный стол на Луговую ул., № 25 к Эмме Кубанцевой.

Красный Крест

Как организация помощи политзаключенным и пленным красноармейцам, Красный Крест, несомненно, сыграл большую роль в эпоху последнего подполья, являясь исполнителем предначертаний подполного комитета.

Красный Крест устанавливал связь с рабочими массами (зачастую через голову меньшевистских профсоюзов), политзаключенными, оказывая им помощь деньгами, продуктами,

[1] В тот же день Просмушкин был арестован.

организовывая материальную поддержку семьям заключенных. Не вдаваясь в историю Симферопольского Красного Креста, мы тем не менее, поскольку этот вопрос в истпартовской литературе до сих пор не освещен, должны отметить следующие два главных этапа в его работе в период 1919—20 г. Первый подпольный Красный Крест в Симферополе сумел установить довольно тесную связь с заключенными тюрьмы, пленными красноармейцами и существовал вплоть до мая месяца 1920 года, когда, благодаря Майско-Апрельской полосе провалов, прекратил свое существование. Помещался он по Казанской ул., № 7 кв. Кремпель во дворе.

Во дворе этого дома по Казанской ул., № 7. в кв. Ф. Кремпель помещался подпольный 1-й Красный Крест (1920 г.).

Работниками его являлись: Буня Рейзнер, „Феня" Кремпель и Келя Мацева, а впоследствии в связи с провалом Буни и Жени Жигалиной Областным Комитетом была выделена для работы в Красном Кресте Соня Разумова, которая имела связь с Международным Красным Крестом. Кроме того, работниками Красного Креста поддерживалась связь и с работниками эсеровского Красного Креста. Для этой цели по Александро-Невской ул. в психиатрической больнице (богоугодное заведение) имелась явка.

Через несколько месяцев после провала 1-го Красного Креста Областкомом Партии был сформирозан новый Красный Крест в кв. Гутшабеса по Большому переулку, № 13. В конце августа 1920 года (благодаря случайно попавшей в руки контр-разведки записке Наума и Кургана из тюрьмы

на имя Гутшабеса), конспиративка Красного Креста была провалена. Гутшабес 1-го сентября был арестован контр-разведкой. Красный Крест прекратил свое существование.

Лазареты

Нужда в медицинской помощи в подпольи ощущалась довольно часто. Нужно принять во внимание, что в подпольи приходилось работать в годы массовых эпидемий. Целый ряд крупных деятелей и руководителей подполья болели сыпняком в то время, когда помощь их и руководство организацией являлись необходимыми. Подпольный комитет принимал по возможности все меры к тому, чтобы обеспечить больного квартирой и уходом. При чем определенных квартир не было. Больного помещали в чью-либо конспиративку, а если у больного не было семьи, общими усилиями ухаживали за ним. Когда заболел сыпняком руководитель О. К. т. Бабахан, то Областком специально откомандировал т. Женю Жигалину ухаживать за ним, сам же Бабахан был помещен на конспиративке по Каябашному переулку, д. № 10, в кв. Меламедова. Впоследствии, когда Женя была арестована, контр-разведка применяла самые зверские пытки, чтобы вынудить ее сказать, где находится Бабахан. Однако, стойко вынесла она все мучения и погибла, как десятки других товарищей, не сказав ничего.

Раненных в перепалке с белогвардейцами, а также прибывших из лесу, нуждавшихся в медицинской помощи, часто отправляли на конспиративку, помещавшуюся на углу Мечетной и Крымского переулка в кв. Райзнера. Эта конспиративка, по характеру своей деятельности, ближе всего подходила к названию „лазарета“, или, еще вернее, амбулаторного пункта. Здесь делались перевязки и добывались необходимые лекарства для лечения товарищей. Бывали случаи, когда требовалась более серьезная врачебная помощь, например,—хирургическая, в таких случаях на помощь приходили товарищи из подпольного Красного Креста. На их обязанности лежало достать какого-либо „благонадежного“ врача, который не проболтался бы властям о своих подозрительных пациентах. Порой контр-разведка учитывала этот момент и приказывала врачам при посещении больных, страдающих огнестрельными ранами, сообщать

об этом властям. Так было, например, после Коктебельского съезда и последовавшей за ним перестрелкой с контр-разведкой, которая не без основания полагала, что между скрывшимися должны быть раненные. Также была близка к лазарету конспиративка по Караимской, 22 (члена подпольной организации Насти Яковлевой). Время „медицинской“ деятельности этой конспиративки относится к июню—августу м-цам 1920 г., т. е. к периоду боевой работы комсомола. Здесь были организованы санитарные отряды, состоящие из комсомолок.

Заканчивая на этом краткий обзор очагов последнего революционного подполья, необходимо отметить, что многие весьма интересные конспиративные очаги, возможно ускользнули от нашего внимания, подобно тому, как десятки заслуженных бойцов революции пали незаметными героями и до сих пор остаются не освещенными.

Задачей нашей в настоящее время является кропотливая и долгая работа по добросовестному собиранию материалов прошлого, материалов, которые смогут стать основой дальнейших изысканий по изучению нашей революционной истории.

Памяти борцам пролетарской революции

Ю. Гавен

Николай Арсентьевич Пожаров

Жизнь Пожарова—это жизнь большевика предреволюционного и революционного периодов—это беспрерывное движение, „перелеты“ из одного района в другой, с одного фронта гражданской войны на другой.

В период империалистической войны он был призван на военную службу в Балтийский флот (матросом). Здесь он, познакомившись на собственном опыте с тяжелой жизнью моряка, жестокостью и бюрократической тупостью дворянско-офицерской касты, испытав ужасы империалистической бойни, впервые стал революционером.

В 1916 г. его антиправительственная пропаганда во флоте стала известна командованию, он был арестован и присужден к 6 месяцам военной тюрьмы (в Кронштадте). Февральская революция освободила его досрочно.

Освободившись из тюрьмы, молодой моряк бросается на кипучую революционную деятельность. Энергичный и способный он скоро выдвигается среди революционеров-моряков. Матросы избирают его в Кронштадтский Совет Рабочих Матросских и Солдатских Депутатов. В Совете он примыкает к большевистской фракции. Уже в июне 1917 г. Кронштадтский комитет большевистской организации считает молодого Пожарова одним из лучших своих работников среди моряков Балтийского флота. Во время июльских событий т. Пожаров, в качестве комиссара плавучих средств, принимает энергичное участие в организации большевистской демонстрации в Ленинграде.

В сентябре 1917 года тов. Пожарова, по предложению Якова Михайловича Свердлова, Центральный комитет партии отзывает из Кронштадта и командирует в Севастополь для революционизирования Черноморского флота, который в тот период в своем большинстве еще шел за социал-соглашателями. В октябре и ноябре т. Пожаров—член Севастопольского Исполкома и Секретарь Севастопольского Парткома ведет энергичную борьбу с социал-предательством крымских меньшевиков и эсеров. В декабре, после роспуска социал-соглашательского совета и перехода власти к большевикам т. Пожаров избирается председателем Севастопольского Совета Рабочих Матросских и Солд. Депутатов—первого в Крыму большевистского Совета. В марте 1918 г. на губернском съезде рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов он избирается членом Таврического Центр. Исп. Комитета. В апреле он дерется с германскими войсками под Симферополем и Альмой. В июле он участвует в подавлении Ярославского белогвардейского восстания, потом в качестве председателя Ярославского Губисполкома руководит восстановлением органов совvласти, разрушенных контр-революционным восстанием. С осени 1918 года до конца гражданской войны он на фронте: сначала комиссаром штаба Северного фронта, потом председателем армейского трибунала на западном фронте, потом политработником на южном (врангелевском фронте). В 1921/22 г. работает в Военном Революционном Трибунале Республики (в качестве члена Трибунала). В 1923 году он направляется на партийную работу в Ленинград.

Пожаров Николай Арсентьевич.

Отдавшись весь партийной работе, он не обратил внимания на свое здоровье, которое подтачивалось туберкулезом, нажитым еще на фронте гражданской войны. Совершенно обессилевшего его направили в больницу. Но было уже поздно. Туберкулез легких, перешедший в скоротечную

форму, быстро разрушил его расшатанный и издерганный в жестокой борьбе и неимоверно тяжелой работе организм.

Такова в кратких чертах жизнь и революционная деятельность Пожарова. В чем выразилась его работа в Крыму? Какой след он оставил в памяти крымского пролетариата?

В Крыму тов. Пожаров работал в самый бурный период пролетарской революции. Вот почему воспоминания о его крымской работе порождают в памяти картины жесточайшей борьбы кучки большевиков с преобладавшими силами контр-революции. Вначале пропитанные мелкобуржуазными иллюзиями массы крымских трудящихся под влиянием лжи соглашателей были настроены крайне враждебно против большевистских лозунгов. Нередки были случаи избиения большевистских агитаторов, посмевших беспощадными разоблачениями соглашательских иллюзий эсеро-меньшевиков и решительными призывами к пролетарской революции нарушить „братское согласие“ и „благодать“ единого демократического фронта. Пять—шесть мелких, находящихся еще в стадии оформления большевистских ячеек представляли в этот период маленькие островки в враждебном бурном океане. Но, говоря словами Маркса, крот истории хорошо работал. Все чаще и чаще раздавались смелые призывы большевиков. Несмотря на отсутствие тогда в Крыму большевистской печати и ложное освещение хода революционных событий кадетской и эсеро-меньшевистской прессой до трудящихся масс доходили сведения, что Петроградский пролетариат и моряки Балтийского флота идут за большевиками. Севастопольские рабочие и моряки Черноморского флота насторожились. На собраниях и митингах все чаще и чаще раздавались голоса:

— Надо выслушать и большевистского оратора... Надо узнать, чего они хотят эти окаянные большевики...

В этот переломный период приехал в Севастополь моряк-балтиец Пожаров.

Уже первое его выступление, происшедшее—если не ошибаюсь на митинге на дредноуте „Воля“, вызвало сильную тревогу среди эсеров, державших до тех пор моряков Чернфлота в своих руках. Горячие призывы Пожарова, обращенные к морякам-черноморцам от имени моряков-балтийцев „смыть“ соглашательскую пыль и решительно

стать на путь революционного пролетариата, на тот путь, по которому идут моряки-балтийцы и питерский пролетариат, руководимые большевиками—оставили огромное впечатление на моряков.

С того момента Пожаров „летал“ с одного митинга на другой, с дредноута на броненосец, с броненосца на крейсер, оттуда на миноносец, с миноносцев на крепостные батареи, оттуда в черноморский экипаж—в казармы...

В своих речах, полных горячего энтузиазма и революционного пыла он бичевал предательское соглашательство с буржуазией меньшевиков и эсеров и призывал к упорной борьбе за власть советов, за власть рабочих и крестьян.

Моряки слушали его внимательно.

„Пожаров—наш братишка, моряк-балтиец,—говорили они,—он нам пыль в глаза не пустит, как эти эсеровские брехуны сладкопевцы. Он нам говорит то, что думают балтийцы. Об этом надо подумать“. И моряки задумались. Думали они недолго, ибо моряк, прошедший суровую школу борьбы с грозными стихиями, не привык долго думать. Он привык действовать, брать позиции решительным натиском.

Убедившись в ложности того пути, на который направили их социал-соглашатели, моряки Чернфлота стали решительными противниками недавних своих учителей и вождей. В этом переломе т. Пожаров сыграл огромную роль.

В середине декабря в Севастополе вспыхнуло бурное движение моряков: в два, три дня были арестованы почти все офицеры флота и несколько лидеров меньшевиков и эсеров. Эсеры и меньшевики не на шутку испугались, они согласились распустить свой, т. е. эсеро-меньшевистский совет и передать власть большевистскому Военно-Революционному комитету, образовавшемуся в момент выступления моряков. На место распущенного совета был избран новый совет, который оказался большевистским. Тов. Пожаров—самый популярный работник среди моряков, был избран председателем нового совета Исполкома.

Старые крымские работники помнят, в каких неимоверно тяжелых условиях приходилось работать органам революционной власти в этот период бурной ломки и ожесточенной борьбы. Особенно тяжелые условия создались тогда для советских и партийных органов Севастополя. Уже на другой

день после взятия большевиками власти выяснилось, что Севастополь очутился в положении отрезанного и изолированного от остальной советской территории: весь остальной Крым находился еще под властью союза социал-соглашателей (меньшевиков и эсеров) с кадетами и татарскими шовинистами и занял крайне враждебную позицию против „большевистского гнезда—„Севастополя". Необходимо было, не теряя ни минуты, организовать вооруженные силы для дачи отпора натиску контр-революционеров.

Весь январь (1918) протекал по всему Крыму в жаркой борьбе между революционными отрядами, руководимыми большевиками и контр-революционными силами татарских шовинистов и белогвардейского офицерства, идущими в союзе с крымской „демократической общественностью" в лице земств, дум и кадетско-социал-соглашательского совета народных представителей.

В этой борьбе революционные моряки Чернфлота играли решающую роль. Поскольку в центре руководства этой борьбой стоял Севастопольский Совет и Военно-революционный Комитет, постольку выдвигалась и роль тов. Пожарова. Он стал одним из самых видных руководителей революционного движения в Крыму. После поражения контр-революционеров работа Севастопольского Совета и Исполкома, благодаря административному таланту Пожарова, стала образцом для других советов Крыма.

Тов. Пожаров проявил себя не только по линии советской работы, но и в области партийной, результаты его работы значительны. В качестве Секретаря Севастопольского парт. комитета, в качестве активнейшего участника первых в Крыму партконференций и члена Таврического Губпарткома (впоследствии Крым Обл. Ком.) он проявил большую работу по оформлению и укреплению Крымской большевистской организации.

Такова в основных моментах революционная деятельность Николая Арсеньевича Пожарова. Она говорит о том, что мы потеряли одного из тех, кто в грандиозном революционном пламени творил Великий Октябрь. Крымский пролетариат не забудет одного из лучших своих борцов и учителей.

У. Б.

Али Баданинский
(1865—1920)

(Краткая биография)

Один из крупнейших и последовательных татарских революционеров Али Баданинский родился в 1865 г. в деревне Бадана, Симферопольского уезда, в семье бедного сельского учителя Абдрефии Исадулла. Отец его, народный учитель, был в то время популярным работником среди татарских крестьян Ногайской орды, в северной материковой части бывш. Таврической губернии. После переселения ногайцев в 1860-х годах в Анатолийскую Турцию отец Али Баданинского долгое время работал народным учителем в Алуште, Бахчисарае, Симферополе. В те времена крымские татары слабо были знакомы с русской культурой, и среди них редко кто знал русский язык. Отец Али Баданинского был одним из пионеров-учителей русского языка среди татарских масс—„Абдрефии-Оджа“ (учитель Абдрефий) так называли его все.

В Бахчисарайском музее до сего времени сохранился один экземпляр русско-татарского „Букваря“, изданного Абдрефии Баданинским в 1860-х годах.

В 1877 г. Али Баданинский был отдан на 7 лет в г. Симферополь в бывшую татарскую учительскую школу, основанную в 1860-х годах русскими миссионерами. В этой школе А. Баданинский получил хорошую, сравнительно, подготовку и в 1884 г. вышел оттуда с прекрасным знанием русского языка.

В продолжение года он работал в качестве конторщика при редакции издававшейся в то время в Бахчисарае татарской газеты „Терджиман“.

В следующем 1885 г. А. Баданинский был назначен учителем татарской народной школы в г. Армянск. Здесь он связался с татарскими трудящимися массами и занялся среди них общественной и литературной деятельностью. Он является одним из тех первых татарских общественных работников, которые работали в самой толще татарских народных

масс. Здесь, же впервые, Али Баданинский стал записывать образцы татарской народной литературы.

Руководя школой в Армянске в течение 4-х лет, он выпустил одно поколение молодежи.

Впоследствии Али Баданинский перевелся учителем в татарскую народную школу в Бахчисарай. В это время Бахчисарай считался культурным центром татар. Здесь издавалась популярная далеко за пределами Крыма тюрко-татарская газета „Терджиман“, основанная в 1883 году либералом Исмаилом Гаспринским. Здесь же организовалось в то время ядро татарской передовой молодежи „фармазоны“ (франкмасоны), так называло татарское духовенство тогдашних „младо-татар“.

Видными работниками этого кружка были татарские литераторы, газетные работники и представители мелких кустарей-ремесленников: т.т. Сулейман Байбуртлы, Бекир Муртазаев, Меметша Акчурин, Ягья Пичакчи.

По приезде в Бахчисарай А. Баданинский был принят в этот кружок желанным членом. Постоянным клубом „фармазонов“ была кофейня „Европа“ на „Аншлык-Базаре“, по главной улице города.

Основными лозунгами „фармазонов“ были: 1) освобождение татарских масс из-под опеки мулл, мурз и русских насильников в лице царской полиции и чиновников, 2) раскрепощение татарской женщины, 3) обучение татарской молодежи обоего пола по новым методам в европеизированных школах, свободных от мертвой мусульманской схоластики, 4) очищение и освобождение татарского народного быта от вредных и ненужных коранизованных предрассудков.

С вступлением т. Али Баданинского в среду „фармазонов“ они получили подкрепление. Напряженным темпом пошла работа на культурно-политическом фронте. Работали, главным образом, среди масс кустарей и учащейся татарской молодежи. С татарским крестьянством „фармазоны“ были связаны слабо. У них не было ясно выраженной экономической программы. Весьма слабо и расплывчато выражен земельный вопрос. Организация эта не имела характера определенной партии с ясной программой, а скорее являлась кружком. „Фармазоны“ были лишены возможности

знакомиться с элементарными основами общепролетарского революционного движения, они не знали теоретической азбуки политической экономии, только издалека смутно слышали о деятельности русских „народовольцев". К. Маркс для них был недосягаем. Большинство из них не знало русского языка, это обстоятельство немало затрудняло установление связи с тогдашними русскими революционерами.

А. Баданинский благодаря своей культурной подготовке стал среди них одним из активных работников. Он был знаком с историей рабочего движения, он также был связан и с крестьянством.

Наибольший подъем в работе „фармазонов" падает на период времени с 1888 по 1891 г.

Татарская знать и духовенство не на шутку были обеспокоены общественной работой „фармазонов". Полетели доносы на их лидера и безбожника—учителя Али Баданинского, который вскоре был изгнан из школы.

В 1891 г. А. Баданинского мы видим в должностях конторщика в имении графа Мордвинова на р. Каче, близ Бахчисарая.

По роду своей службы ему пришлось здесь сталкиваться непосредственно с рабочими имения, крестьянами и огородниками-арендаторами в Мордвиновском саду. Здесь работали сотни рабочих, приходивших с Украины. За прочные связи с рабочими и крестьянами А. Баданинский был удален с места, проработав здесь в общем 2 года.

В 1893 году А. Баданинский переселяется в Симферополь, и поступает писцом в управление государственными имуществами Таврической и Екатеринославской губерний. Работая в этом учреждении вплоть до февральской революции 1917 г., он не прерывает связи с крестьянством и продолжает заниматься литературной работой. Переводит на татарский язык „Тараса Бульбу"—Гоголя, печатает в 1912—14 годах „Сборник пословиц, загадок и примет крымских татар", и на свои скудные средства собирает небольшую библиотеку, посвященную вопросам социологии, русской литературы, общественного движения на Востоке, истории и этнографии тюрко-татар и проч.

В марте 1917 г. А. Баданинского на съезде избирают русским секретарем вновь организованного тогда Центрального Мусульманского Исполнительного Комитета в Симферополе.

В этой должности А. Баданинский был и в Курултае и в Крымско-Татарском парламенте до осени 1918 г. По своим политическим убеждениям он был одним из твердых членов и руководителей левого крыла Курултая.

Несогласный с общей политической линией Курултая, осенью 1918 г. при правительстве ген. Сулькевича, А. Баданинский с группой товарищей демонстративно вышел из состава парламента и ушел в подполье.

Вступив в ряды ВКП(б) в 1919 г., он одно время работал в Крымсовнаркоме в должности управляющего делами, с занятием же Крыма добровольцами, вместе с Красной Армией ушел на север.

В 1920 году, будучи членом Крымского Советского Правительства в Мелитополе, во время наступления добровольцев пошел с оружием в руках на фронт и погиб в рядах Красной Армии в борьбе за власть советов.

По словам очевидцев—некоторых товарищей, Али Баданинский вместе с красноармейской частью был окружен белыми казаками и зарублен недалеко от Мелитополя.

Али Баданинский был одним из последовательных татарских революционеров. Вооруженный знаниями, опытом, огромной трудоспособностью и глубоко преданный делу пролетарской революции, он оказал большое влияние на революционное воспитание ряда поколений татарской молодежи. До конца своих дней он пользовался уважением и любовью как большинства т.т. партийцев, так и беспартийных трудовых масс, с которыми ему приходилось работать. Татарские трудовые массы потеряли в лице т. Али Баданинского подлинного передового бойца за раскрепощение трудового Востока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи и воспоминания

Памяти борцам пролетарской революции

